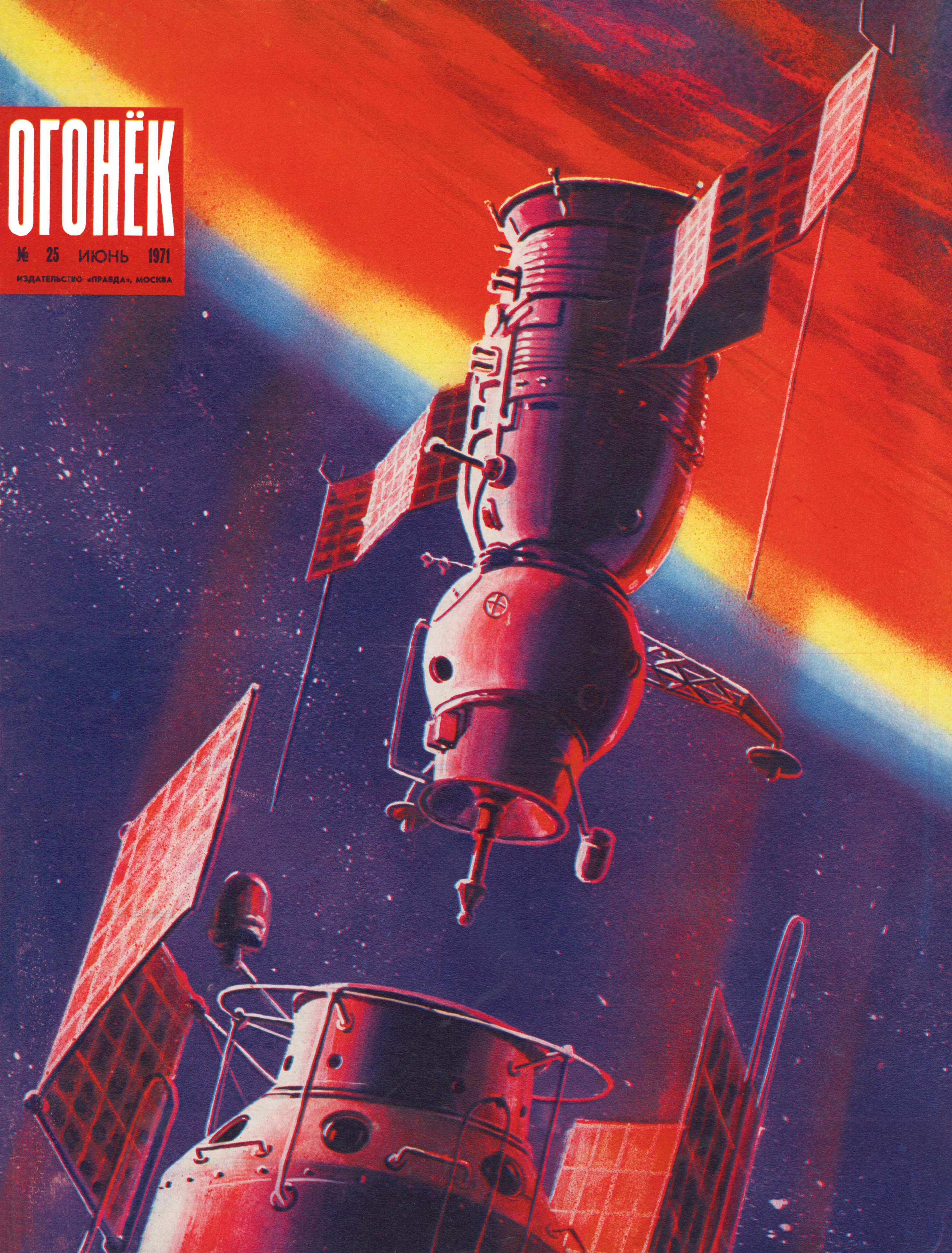
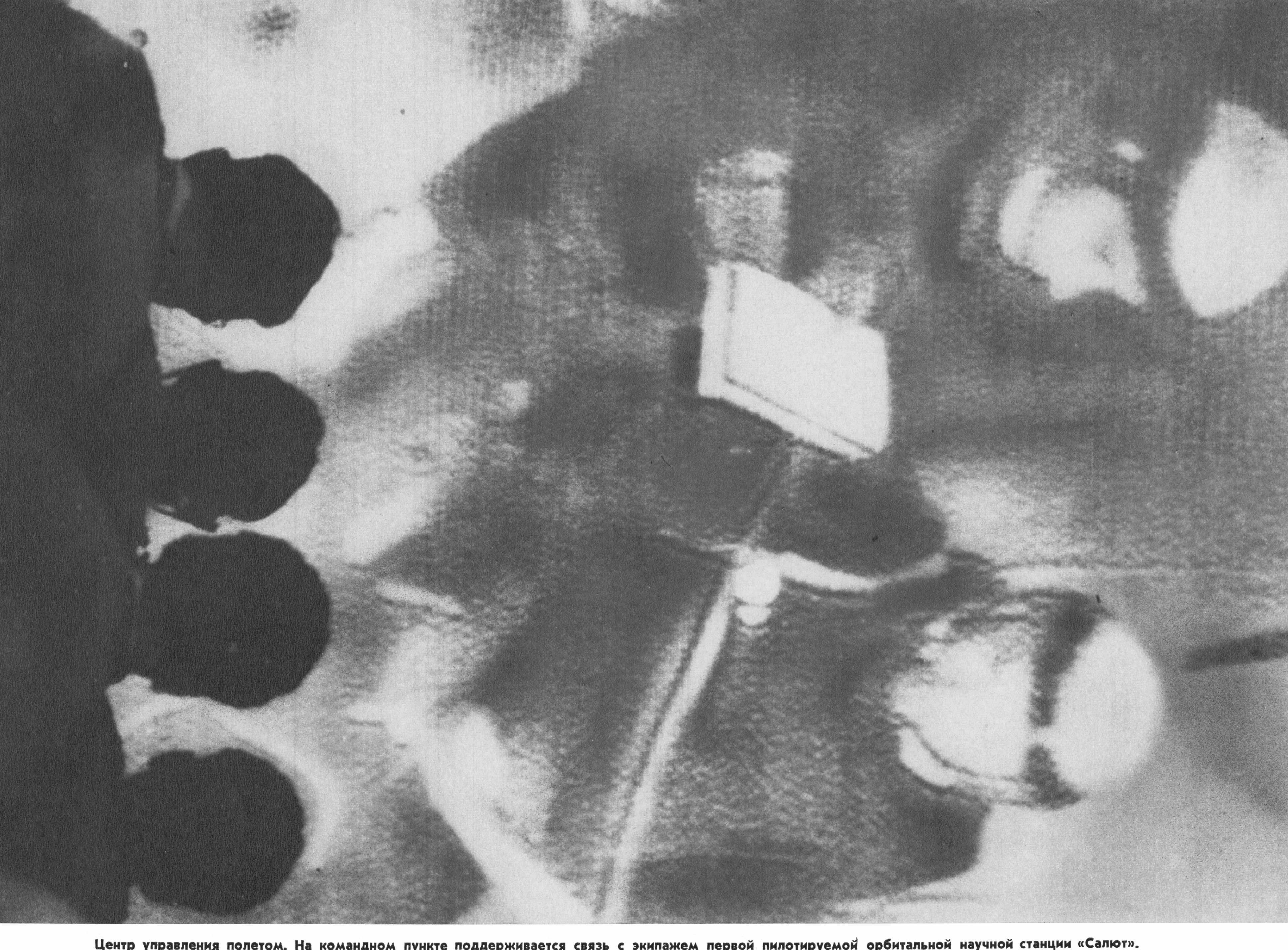

ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Центр управления полетом. На командном пункте поддерживается связь с экипажем первой пилотируемой орбитальной научной станции «Салют».
Телефото Н. Акимова (ТАСС).

В Кремлевском Дворце съездов 11 июня избиратели Бауманского избирательного округа столицы встречались с кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации, Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

Участники предвыборного собрания бурными аплодисментами встретили товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

Собрание открыл первый секретарь Бауманского райкома КПСС В. Н. Макеев.

Затем выступили доверенное лицо — электромонтажник завода счетно-аналитических машин, ударник коммунистического труда И. Д. Данилин; директор Центрального научно-исследовательского института черной металлургии имени Бардина, Герой Социалистического Труда И. Н. Голиков; учительница школы № 345 Бауманского района заслуженный учитель школы РСФСР Л. С. Филиппова; ударник коммунистического труда наладчик завода автотракторной электроаппаратуры № 2 А. П. Ожерельев; студентка Московского высшего технического училища имени Баумана Т. М. Анфимова.

В их речах — теплые, идущие от самого сердца слова о политике нашей ленинской партии, о кандидате в депутаты Верховного Совета РСФСР по Бауманскому избирательному округу Л. И. Брежневе.

С глубокой, яркой речью выступил на собрании тепло встреченный присутствующими Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Речь товарища Л. И. Брежнева неоднократно прерывалась бурными продолжительными аплодисментами.

Встреча избирателей с товарищем Л. И. Брежневым вылилась в яркую демонстрацию нерушимого единства партии и народа.

Л. И. БРЕЖНЕВ: «Советы — это наша родная народная власть. Она родилась в огне революции. Великий Октябрь победил под лозунгом «Вся власть Советам!». Советская власть обеспечила победу социализма в нашей стране. А сегодня вся деятельность Советов подчинена решению величайшей исторической задачи — строительства коммунизма».

Из речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы.
11 июня 1971 года.

Москва, 11 июня. Кремлевский Дворец съездов. Встреча избирателей Бауманского избирательного округа столицы с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР товарищем Л. И. Брежневым.

Фото С. Гурария и В. Климова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2294)

19 ИЮНЯ 1971

Москва. 13 июня. На избирательном участке № 30 Бауманского района. Фото В. Парадни.

ГОЛОСУЕТ СТРАНА СОВЕТОВ

Новосибирск. Бюллетени для голосования получают лауреат Ленинской премии, известный кардиохирург, директор Научно-исследовательского института патологии кровообращения, доктор медицинских наук, профессор Е. Н. Мешалкин и его жена, старший научный сотрудник, хирург Е. Е. Литасова.

Телефото В. Лещинского (ТАСС).

Совхоз Белогорский, Сокулукского района, Киргизской ССР. Голосуют заслуженный учитель Киргизской ССР Биремкул Балбаев и десятиклассница Гулай Кудайбергенова.

Телефото А. Клейменова. ТАСС.

13 июня в нашей стране прошли выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся. Этому дню предшествовали многочисленные и многолюдные предвыборные собрания трудящихся.

Со своими избирателями встретились члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, Д. Ф. Устинов, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

В минувшее воскресенье к избирательным урнам пришли миллионы советских граждан, представители всех национальностей и народностей нашей великой Родины. Голосуя за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, они голосовали за политику Коммунистической партии и Советского правительства, за укрепление могущества Страны Советов, за дальнейший рост материального благосостояния ее граждан, за успешное претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС.

Москва, 13 июня 1971 года. Избирательный участок № 57 Киевского района. Голосует Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Фото ТАСС.

Избирательный участок № 86 Краснопресненского района. Голосует Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Фото С. Гурария.

Избирательный участок № 50 Октябрьского района. Голосует Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Фото ТАСС.

ДЕЛЕГАЦИЯ КПСС В БЕРЛИНЕ

14 июня в столицу Германской Демократической Республики по приглашению Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии на VIII съезд СЕПГ прибыла делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

В состав делегации входят: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии тов. П. М. Машеров, член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Азербайджана тов. Г. А. Алиев, член ЦК КПСС, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС тов Г. С. Золотухин, член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС тов. К. В. Русаков, член ЦК КПСС, посол СССР в ГДР тов. П. А. Абрасимов.

На аэродроме Шенефельд делегацию КПСС встречали Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР В. Ульбрихт, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР В. Штоф, члены Политбюро ЦК СЕПГ Г. Аксен, Ф. Эберт, Г. Грюнеберг, К. Хагер, Г. Миттаг, Э. Мюккенбергер, А. Нойман, А. Норден, Х. Зиндерман, П. Фернер, Г. Варнке, кандидаты в члены Политбюро ЦК СЕПГ, партийные, государственные и общественные деятели ГДР.

Делегацию КПСС тепло встречали на аэродроме представители трудящихся Берлина. По пути в резиденцию гостей приветствовали тысячи берлинцев, собравшихся на празднично украшенных улицах.

На снимке: во время встречи на аэродроме Шенефельд. Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер обменивается рукопожатием с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Телефото АДН — ТАСС.

Валерий ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

...Уже вторую неделю работают в космосе Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев. Космические будни приняли напряженный, строго согласованный с программой полета ритм. По четкому графику сменяются сон и работа экипажа, за обедами и ужинами следуют физические упражнения и записи в бортжурналах, но в основном все время заполнено экспериментами, наблюдениями и управлением «Салютом». И в этой веренице опытов можно взять наугад любой и рассказать о нем много интересного. Вот, например, один из них, сделанный совсем недавно,— измерение космического излучения с помощью гамма-телескопа, названного волею создателей этого прибора милым женским именем «Анна».

Известно, что земная атмосфера является непробиваемым щитом для большинства видов космического излучения: ультрафиолетового, рентгеновского, инфракрасного. К их числу относится и гамма-излучение, самое короткое или, как его еще называют, самое «жесткое» электромагнитное излучение. Несмотря на то, что энергия гамма-лучей на двадцать порядков выше, чем у радиоволн, на Земле его исследовать практически невозможно.

Рабочий отсек — основное помещение станции «Салют»,— сфотографированный незадолго до выведения лаборатории на орбиту. В центре видны пульт управления и кресла экипажа, за пультом — люк в переходный отсек, который связывает «Салют» с «Союзом-11». Фотохроника ТАСС.

На орбитальной станции «Салют» установлен телескоп «Анна». Устройство гамма-телескопа таково, что позволяет измерять энергетический состав и интенсивность гамма-лучей, а также определять их направление. Предполагается, что гамма-лучи могут иметь различное происхождение: галактическое, внегалактическое или от неизвестных отдельных источников. В эксперименте с гамма-телескопом станция «Салют» была сориентирована приемными камерами телескопа в зенит звездного неба и удерживалась в таком ориентированном относительно Земли положении в течение всего эксперимента. Включение и контроль работы телескопа осуществлял командир экипажа Георгий Добровольский. Показания счетчиков и фотопленки с зафиксированными следами гамма-квантов, несомненно, откроют завесу над многими тайнами происхождения космических лучей.

...Седьмой день пребывания космонавтов на станции «Салют». Глубокая ночь в Центре управления, но Земля слушает дежурного космонавта Владислава Волкова.

Заря. «Янтарь-2», слышу вас отлично. Доброе утро.

Янтарь-2. Доброе утро. Самочувствие отличное. Сейчас нахожусь на дежурстве. «Янтарь-1» и «Янтарь-3» отдыхают. Как «Динамо» сыграло вчера с «Торпедо»?

Заря. 2 : 1. «Динамо» выиграло. Довольны?

Янтарь-2. Доволен, конечно. У нас настроение отличное. Мы ходим в нагрузочных костюмах. Они нас здорово тянут. Мы надели легкие костюмы с резинками, они в обтяжку на нас, и, честно говоря, побаливают немножко ноги. Но мы терпим, потому что это нужно. Проводим с большой нагрузкой физические упражнения на дорожке. До пота далеко, но ноги нагружаются хорошо.

Через четыре часа на вахту заступает командир экипажа Георгий Добровольский. На борту все в порядке, самочувствие хорошее...

Первая в мире научная орбитальная станция «Салют» работает.

Как же начался новый уникальный эксперимент на орбите? Рано утром 7 июня началось сближение «Союза-11» с научной станцией «Салют». Лаконичные доклады командира корабля Добровольского слушают внимательно в Центре управления.

«Участок автоматического сближения. Говорит «Янтарь»:

— Дальность — 380 метров, скорость — 1,9 метра в секунду. Работа двигателя нормальная.

— Дальность — 300 метров, скорость — 1,5. Наблюдаем разворот корабля.

— Началось причаливание. Дальность — 200, скорость — 1,2. Станция отлично наблюдается.

— Включаем ручное причаливание. Дальность — 60 метров, скорость — 0,3, все идет нормально. Отлично виден приемный конус. Корабль идет точно, ведет себя устойчиво.

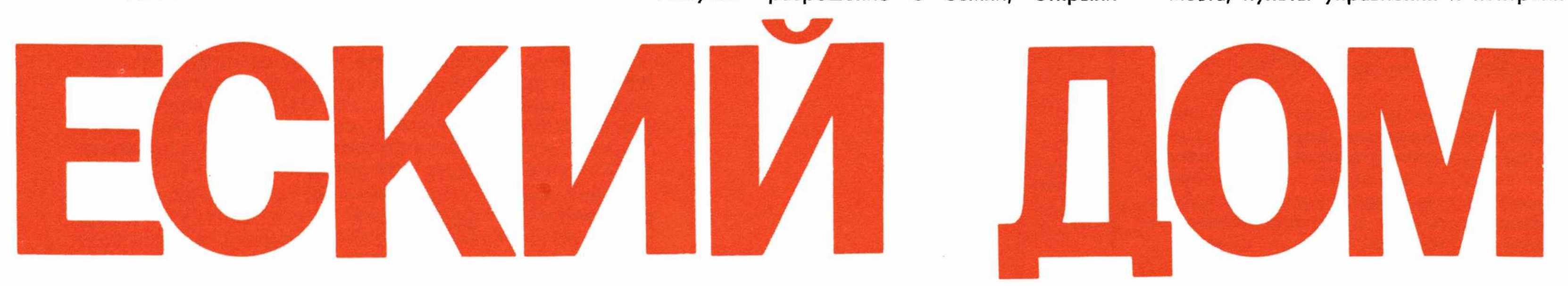
— Дальность — 5 метров, скорость — 0,2. Подходим хорошо».

На следующем витке командир корабля сообщает:

— Касание, захват и стыковка прошли одновременно. Практически не было колебаний. Включили режим стягивания. Загорелся транспарант «электроразъем стыковки».

Орбитальная станция собрана, но это только первый этап. Экипаж приступил к проверке бортовых систем «Салюта» и начал готовиться к переходу на станцию. Космонавты выровняли давление в отсеках состыкованных аппаратов, проверили газовый состав атмосферы.

Получив разрешение с Земли, открыли крышки герметичного люка, и первым, как и полагается инженеру-испытателю, ступил на «землю» «Салюта» Виктор Пацаев. Первый осмотр помещения станции, доклад командиру, и вот уже мы видим в поле зрения телекамеры, установленной в «Салюте», двух космонавтов — «Янтаря-2» и «Янтаря-3». Картина очень впечатляющая: в просторном салоне станции (иначе не назовешь) плавно движутся две фигуры в шлемах. Осматривают рабочие места, пульты управления и контроля систем.

Вот они энергично отталкиваются от опор и один за другим проплывают мимо телекамеры. Фантастично на первый взгляд, но это сама реальность. На Земле слышим восторженный голос «Янтаря»:

— Как открыли люк, нам казалось, нет конца и края этой станции.

И вот экипаж первой орбитальной лаборатории приступил к работе. Многое из того, что делают Добровольский, Волков и Пацаев,— продолжение ранее начатых исследований. Но подавляющее большинство экспериментов впервые выполняется в этом полете. И это понятно, ведь они летят на совершенно новой станции.

Прежде всего космонавты «обживают» новую научную станцию «Салют». Система представляет собой довольно большое сооружение, весом свыше 25 тонн. Она включает, помимо вспомогательного, два жилых отсека орбитального автоматического блока и два жилых отсека транспортного корабля «Союз» с общим объемом помещений около 100 кубических метров. Длина и диаметр цилиндрической ее части превышают в несколько раз размеры транспортного корабля. Огромные, словно крылья воздушного лайнера, плоскости солнечных батарей питают этот космический форпост науки электроэнергией.

Мощные корректирующие двигатели позволяют станции «Салют» значительно повышать высоту орбиты, тем самым увеличивая срок ее существования в околоземном пространстве. Множество управляющих двигателей малой тяги дают возможность космонавтам проводить маневрирование. С внешней стороны станция «Салют» пестрит иллюминаторами для наблюдений, фото- и киносъемки.

Впервые экипаж управляет таким сложным комплексом, состыкованным из двух космических аппаратов. Ежедневная программа деятельности экипажа предусматривает неоднократную ориентацию станции на Землю, Солнце, небесные тела.

«Салют» по своей оснащенности оборудованием напоминает универсальную лабораторию. А условия научной работы экипажа тут прямо-таки замечательные. Создатели станции предусмотрели удобные рабочие места, пульты, позволяющие быстро вести опрос бортовых систем или управлять комплексом, стенные шкафчики для хранения записей, сменной аппаратуры, документации.

Когда задолго до полета готовилась программа исследований, много внимания было уделено медико-биологическим и оздоровительно-профилактическим экспериментам. При этом в первую очередь учитывались бесценный опыт и послеполетные исследования «космических марафонцев» Николаева и Севастьянова. На борту «Салюта» установлены совершенно новые разнообразные приспособления, чтобы космонавтам Добровольскому, Волкову и Пацаеву сохранить высокую работоспособность во время всего полета и облегчить процесс реадаптации организма после возвращения на Землю.

Какие же основные научные исследования ведут космонавты?

Во-первых, несомненный интерес для ученых представит наблюдение и фотографирование с орбиты спутника небесных тел — Солнца, планет и звезд. Измерение интенсивности солнечного излучения, не поглощенного земной атмосферой, и получение звездных спектрограмм в различных диапазонах, исследование космического рентгеновского излучения — все это в руках астрономов и астрофизиков выкристаллизуется в новые научные гипотезы строения и развития Вселенной.

Во-вторых, большой интерес представит изучение Земли и атмосферы с борта такой оснащенной аппаратурой лаборатории, как «Салют». Программа работы экипажа в этом направлении чрезвычайно разнообразна и имеет непосредственное народнохозяйственное значение.

...Еще на заре теоретического космоплавания гениальный Константин Эдуардович Циолковский твердо верил, что подобные исследования принесут со временем «горы хлеба и бездну могущества». Мечты ученого воплощаются в реальность уже в первом полете пилотируемой орбитальной станции «Салют».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ВСАДНИК

Николай ПАСТУХОВ

«Счастлив тот, у кого бывают гости, радостен тот дом, у коновязи которого всегда стоят кони приезжих». В справедливости этой монгольской народной пословицы может убедиться каждый, кто побывает в стране Сухэ-Батора.

Но встречи советских людей с монголами наполнены особыми чувствами, более значительными, чем традиционное гостеприимство этого удивительного, спокойного и уверенного в своих силах народа. Четко и глубоко охарактеризовал советско-монгольские отношения глава нашей делегации на XVI съезде МНРП член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ А. П. Кириленко: «Прошедшие полвека спаяли воедино советский и монгольский народы. Наши страны были первыми социалистическими странами мира. И в дни мира, и в дни войны мы неизменно были вместе».

Да, мы были всегда вместе и идем вместе по великому историческому пути, освещенному идеями марксизма-ленинизма. Итоги наших величественных свершений были подведены на XXIV съезде КПСС. Итоги замечательных побед монгольского народа были подведены на только что закончившемся в Улан-Баторе XVI съезде Монгольской народно-революционной партии. В глубоком и содержательном отчетном докладе Центрального Комитета МНРП, сделанном Первым секретарем ЦК товарищем Ю. Цеденбалом, ярко обрисованы значительные достижения монгольских трудящихся, выдвинут вдохновляющий план хозяйственного, социального и культурного развития, намечены организационные формы мобилизации сил партии и народа на его выполнение.

Вдумайтесь в эти цифры. Валовая продукция промышленности МНР в 1970 году возросла по сравнению с 1965 годом в 1,6 раза при среднегодовом темпе ее роста в 9,9 процента. Это говорит о том, что Монголия, в недалеком прошлом страна кочевого скотоводства, превращается ныне в индустриально-аграрную страну. Разве это не свидетельство величия социалистического развития МНР? Разве это не воодушевляющий пример для многих стран Азии и Африки, мучительно ищущих подходов к социальному и экономическому прогрессу?

Монгольский опыт некапиталистического пути развития — от феодализма к социализму — имеет огромное интернациональное значение и вызывает

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ

В конце прошлой недели завершил свою работу XVI съезд Монгольской народно-революционной партии. «Притягательная сила,— заявил в своей речи на XVI съезде МНРП член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко,— примера социалистической Монголии усиливается. И можно не сомневаться в том, что выполнение задач, которые ставит XVI съезд МНРП, в еще большей мере поднимет престиж МНР на международной арене, умножит ее вклад в развитие человечества по социалистическому пути».

Съезд провел большую, плодотворную работу, единодушно принял документы съезда: резолюцию по отчетному докладу ЦК МНРП, директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства и культуры МНР на 1971—1975 годы, резолюцию о некоторых изменениях в уставе партии. Съезд принял заявления в поддержку борьбы народов Индокитая и борьбы арабских народов.

Выступая с заключительным словом, Первый секретарь ЦК МНРП тов. Ю. Цеденбал отметил, что съезд монгольских коммунистов проходил в духе полного единства и незыблемой верности бессмертным идеям марксизма-ленинизма. Тов. Ю. Цеденбал выразил ленинскому Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству и героическому советскому народу искреннюю благодарность за глубокую заботу и поддержку, за братскую дружбу и солидарность, за чистосердечную всестороннюю помощь во всех областях жизни социалистического общества МНР.

Состоялся пленум ЦК МНРП, который избрал Первым секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбала, секретарями ЦК МНРП — Ц. Дугэрсурэна, Н. Жагварала, Д. Моломжамца, Б. Лхамсурэна.

На снимке: В Президиуме XVI съезда МНРП во время заключительного заседания.

Телефото Монцамэ — ТАСС.

восхищение всего прогрессивного человечества. Свыше 50 делегаций коммунистических, рабочих, национально-демократических партий участвовали в работе съезда монгольских коммунистов. Этот съезд привлек столь широкое международное внимание потому, что деятельность МНРП на протяжении последних пяти десятков лет является примером органического соединения национальных и интернациональных задач, образцом того, как партия и страна, опираясь на союз и братство стран социалистического содружества и прежде всего на опыт и поддержку первой в мире социалистической державы, могут добиться быстрого развития производительных сил, совершить подлинную культурную революцию.

...На днях группа огоньковцев вернулась из поездки по Монголии. Мы видели, как любовно уланбаторцы подготавливали свою столицу к приему делегатов и гостей съезда. Здания сверкали на солнце свежевыкрашенными бело-розовыми красками. На деревья развешивались гирлянды цветных электролампочек, на улицах появлялись стенды, плакаты, лозунги. Ускоренными темпами шла стройка начатых объектов. Заводы и фабрики выполняли нормы в счет грядущей пятилетки. Партийный аппарат столицы заканчивал подготовку к съезду, Улан-Батор гостеприимно принимал братские делегации из всех стран мира. В городских скверах мы видели студенческую молодежь, сдававшую в это время экзаменационную сессию. Элегантно одетые внуки и внучки некогда отсталых скотоводов-кочевников изучали конспекты со схемами атомного реактора и вязью формул высшей математики, повторяли анатомию человека и основы текстильного машиностроения. Словом, напряженная, трудовая, но вместе с тем торжественная жизнь царила в монгольской столице.

Гордый и свободолюбивый монгольский народ сумел осуществить свои вековые чаяния. Социалистическая Монголия всей своей действительностью подтверждает, что именно социалистическая, интернационалистская политика обеспечивает всесторонний расцвет нации и ее неповторимой культуры, всех лучших традиций народа. Мы, друзья и соратники монгольских коммунистов, воздаем должное боевому отряду мирового коммунистического движения — Монгольской народно-революционной партии.

В преддверии тридцатилетия начала Великой Отечественной войны «Огонек» обратился к выдающемуся полководцу нашей страны Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову с просьбой ответить на несколько вопросов. По поручению редакции беседу с маршалом вел кандидат исторических наук полковник Н. А. Светлишин.

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ПОБЕДЕ

Когда я вошел к маршалу, он весело приветствовал меня. Георгий Константинович выглядел бодро, говорил с юмором, непринужденно, словно бы приглашая и собеседника чувствовать себя «как дома».

— Хочу попросить вас,— начал я,**— рассказать о первых днях Великой Отечественной войны. Как известно, уже 22 июня вы прибыли на Юго-Западный фронт, а на другой день — в район боев у Броды. Что более всего вам запомнилось?**

— Прежде всего мне хочется подчеркнуть, что с самого начала вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз Коммунистическая партия и Советское правительство приняли необходимые меры для мобилизации всех сил и ресурсов страны на отражение вражеской агрессии. По призыву партии весь советский народ как один человек поднялся на защиту своего социалистического Отечества, завоеваний социализма. На огромном фронте от Балтики до Черного моря развернулись боевые действия Советской Армии и Военно-Морского Флота против гитлеровских захватчиков. В первых же боях советские воины проявили величайшую стойкость и массовый героизм, верность воинскому долгу и своей Родине,— сказал Георгий Константинович.— Примерно в полдень 22 июня 1941 года И. В. Сталин по телефону передал мне указание о том, что я должен выехать на Юго-Западный фронт, чтобы помочь командованию фронта организовать руководство боевыми действиями. Одновременно с такой же целью на другие фронты выехали заместители наркома обороны Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик.

В тот же день поздно вечером я уже был на командном пункте фронта в районе Тернополя. Из доклада командующего войсками фронта генерал-полковника М. П. Кирпоноса и начальника штаба генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева стала ясна сложившаяся здесь обстановка. События развивались далеко не так, как мы предполагали. Наши части оказались вынужденными прямо с марша вступать в бой. Ценой огромного напряжения пока удавалось сдерживать натиск врага на подступах к Луцку, Дубно и Бродам, наносить ему большие потери. Однако его мощные танковые клинья все глубже врезались в нашу оборону. Создавалась угроза прорыва ее и выхода подвижных соединений гитлеровцев на подступы к Киеву.

Требовалось любой ценой остановить противника, выиграть время для развертывания войск фронта. А соотношение в силах было далеко не в нашу пользу. В полосе 5-й армии на семидесятипятикилометровом участке от Устилуга до Крыстынополя, где враг наносил главный удар и фактически решалась судьба приграничного сражения, в первый день войны оказались лишь подразделения пограничников, 87-я и 124-я стрелковые дивизии. На эти малочисленные войска немецко-фашистское командование обрушило до восьми пехотных и трех-четырех танковых дивизий. Фашистская авиация безраздельно господствовала в воздухе.

Не менее сложная обстановка была и на участках 6-й и 26-й армий, хотя немецкие войска здесь за каждый свой шаг расплачивались кровавыми потерями.

Сравнивая соотношение сил наших и немецких войск в эти дни, вновь и вновь восхищаешься несгибаемой стойкостью и беспримерной

храбростью советских воинов, которые не дрогнули перед лицом неизмеримо превосходящих сил врага.

Я не буду касаться тех усилий, которые предпринимались командованием для налаживания согласованных действий войск, ускорения подхода резервов, организации связи, материального обеспечения и многого другого,— продолжал Георгий Константинович.— Все это делалось в тяжелейших условиях. В такой обстановке только беспредельная храбрость наших солдат и командиров, их беззаветная преданность нашей Родине, умелые действия и готовность принести себя в жертву помогли нам выстоять. Советские воины не обманули надежд своего народа. Мне на всю жизнь запомнились героические действия воинов 8-го механизированного корпуса и его командира генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева. После долгого труднейшего марша, измотанные непрерывными авиационными ударами врага, части корпуса на второй день войны подошли в район Броды и, несмотря на крайнюю усталость, с ходу нанесли контрудар противнику. У танкистов как бы появилось второе дыхание. Натиск частей корпуса был столь яростен и стремителен, что гитлеровцам пришлось поспешно отступить, бросив технику, убитых и раненых. Лишь в результате ввода в сражение новых крупных сил фашистскому командованию удалось избежать серьезного поражения.

С таким же геройством и храбростью на этом участке сражались с врагом и другие соединения Юго-Западного фронта, участвовавшие в контрударе против вклинившейся танковой группировки противника. Особенно решительными были действия 9-го, 15-го и 19-го механизированных корпусов, которыми командовали генералы К. К. Рокоссовский, И. И. Карпезо и Н. В. Фекленко.

Благодаря героическим действиям войск Юго-Западного фронта подвижные соединения врага на несколько дней оказались связанными боями в районе Луцк, Дубно, Броды. Мы выиграли самое драгоценное в те критические дни — время. И первоначальный замысел гитлеровского командования — молниеносной операцией овладеть Киевом — потерпел провал.

Нужно отметить, что наша военно-историческая литература пока что лишь мимоходом касается событий, о которых я рассказал. Между тем это — одно из крупнейших сражений начального периода войны с фашистской Германией. На мой взгляд, надо бы детально исследовать оперативную целесообразность контрудара механизированных корпусов по прорвавшейся главной группировке врага и организацию самого контрудара. Ведь если принять во внимание соотношение противоборствующих сил,— мы по всем статьям нанесли поражение врагу в этих сражениях. И не числом, а решительностью и великолепным воинским мастерством наших солдат и командиров, их стойкостью, беззаветной преданностью, неслыханной храбростью. А как иначе назвать тот факт, что нам удалось резко сбить темпы наступления противника и нанести ему огромные потери, как не его поражением? На этом участке фронта, как и на других, враг с первых же дней убедился, что война с Советским Союзом не легкая военная прогулка, как это было в европейских государствах, армии которых гитлеровцам удавалось разгромить за несколько дней.

Слушая Георгия Константиновича, я удивлялся. События 30-летней давности сохранились в его памяти в подробностях. Рассказывая, он называл даты, номера многих соединений и частей, имена командиров.

— А какое событие первого года Великой Отечественной войны вы считаете главным, решающим?

— Безусловно, битву за Москву, которую нам пришлось вести после успешного отражения сентябрьского штурма, предпринятого врагом с целью захватить Ленинград. Много времени прошло с тех пор, но эти исторические события и сражения волнуют меня и по сей день. И это вполне объяснимо: обстановка, особенно в начале октября, оставалась тяжелой.

Когда 12 октября 1941 года я вступил в командование вновь созданным Западным фронтом, войск, которые в него вошли, было недостаточно, чтобы задержать наступление противника на Москву. К тому же советские войска испытывали недостаток вооружения, боеприпасов, снаряжения и технических средств. Ведь предприятия, эвакуированные на Восток, еще не вошли в строй и не давали продукции... И, несмотря на героическое сопротивление наших малочисленных соединений, враг приближался к Москве...

Между тем победа в битве за столицу имела исключительное значение для всего дальнейшего хода войны. Разгром врага на полях Подмосковья после постигших нас неудач в первые месяцы войны был той острейшей необходимостью, которая придала храбрым еще большую отвагу, сделала робких смелыми, а в сомневающихся в боевом мастерстве нашей армии — что греха таить, были и такие! — вселила уверенность в ее огромные наступательные возможности, в победу!..

Но партия и Верховное Главнокомандование сумели собрать необходимую группировку войск, остановить и разгромить врага. Не могу забыть моих личных переживаний в те памятные дни. Думается, всем ясна острота обстановки на фронтах в октябре — начале декабря 1941 года и вытекающее из нее психологическое состояние каждого защитника Москвы да и всего советского народа.

На подступах к Москве в суровых условиях закалялись, мужали, набирались опыта советские войска и, получив в свои руки необходимое количество технических средств, из обороняющейся превратились в мощную наступательную силу, сокрушившую ударную группировку немецко-фашистской армии.

Победа наших войск под Москвой имела крупнейшие военно-политические последствия. В результате этой победы была ликвидирована смертельная опасность, нависшая над столицей нашей Родины. На полях Подмосковья окончательно провалился гитлеровский план «молниеносной войны», что поставило Германию перед неизбежностью ведения войны длительной, затяжной.

Разгром частей германского вермахта под Москвой развеял миф о непобедимости немецкой армии и «особой» одаренности ее полководцев, резко снизил боеспособность гитлеровских войск, у которых впервые в ходе второй мировой войны появились сомнения в обещанном успехе и пораженческие настроения. Среди верхушки фашистского командования возникли резкие разногласия в оценке причин катастрофы под Москвой и в вопросах способов дальнейшего ведения войны против Советского Союза.

Пройдут годы, столетия, но благодарные потомки наши никогда не забудут подвига советских воинов под Москвой. В битве за Москву была заложена прочная основа для последующего и окончательного разгрома фашистской Германии и освобождения народов Европы от фашистского порабощения.

Не могу не сказать и о Параде Победы, хотя это было уже после войны... Советские люди помнят этот беспримерный парад победителей, все детали этого волнующего марша и его кульминацию — низложение фашистских знамен у Мавзолея В. И. Ленина.

Я смотрел на площадь, на войска, а мысленно возвращался на поля сражений. Память воскрешала многое: картины зверств и насилий фашистов, тысячи разрушенных и сожженных советских городов и сел; перед моим взором возникали лица людей, павших в боях,— героических наших солдат, командиров, военачальников... Пронеслись яркие, как вспышки орудий, дни и ночи победоносного наступления нашей армии, штурм Берлина, капитуляция врага.

Парад Победы был торжеством исключительным. Он подводил итоги небывалого в истории напряжения всего нашего народа. К этому торжественному событию нас всех привела Коммунистическая партия Советского Союза.

— Что вы скажете, Георгий Константинович, о значении опыта Великой Отечественной войны?

— В Резолюции XXIV съезда по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС говорится, что всемерное укрепление оборонного могущества нашей Родины является одной из самых важных задач партии и народа. Не может вызывать сомнения тот факт, что в успешном решении этой задачи большое значение будет иметь тщательное изучение и правильное использование опыта минувшей войны.

Однако ответить кратко на этот вопрос невозможно. Слишком обширны и многогранны области подготовки государства и Вооруженных Сил к войне на случай ее возникновения. Поэтому я остановлюсь только на некоторых, наиболее, на мой взгляд, важных выводах.

Руководство боевыми действиями.

Надо сказать, что структура органов руководства страной в минувшей войне целиком себя оправдала. С первых же дней войны, как известно, был учрежден Государственный Комитет Обороны, который сосредоточил в своих руках политическое и военное руководство в стране, мобилизацию и использование всех необходимых ресурсов.

Непосредственное руководство Вооруженными Силами, то есть планирование и проведение операций стратегического масштаба и их всестороннее обеспечение, осуществлялось Ставкой Верховного Главнокомандования.

Что же поучительного можно извлечь из анализа деятельности Ставки?

Прежде всего нужно сказать о важности всестороннего и творческого подхода при выработке решений, которые исходили из столь высокого органа.

Возглавляя Ставку на протяжении всей войны, И. В. Сталин, как правило, не принимал решений без предварительного выявления точек зрения своих заместителей, начальника Генштаба, командующих и Военных советов фронтов, командующих родами войск и начальника тыла Красной Армии. Можно привести многие факты, когда наиболее важные стратегические решения рассматривались совместно с Политбюро ЦК партии и ГКО, что свидетельствует о постоянном руководстве партии Вооруженными Силами.

Таким образом, важнейший вывод, который необходимо сделать, изучая деятельность высших звеньев руководства вооруженной борьбой, сводится к крайней важности коллективного творчества в ходе подготовки решений Верховного Главнокомандования, всестороннего, тщательного изучения сложившейся обстановки.

Говоря о значении опыта Великой Отечественной войны для современных условий, хочется обратить внимание на следующее обстоятельство. Исторический опыт никогда не давал готовых рецептов, которые можно было бы использовать в новых, изменившихся условиях. Тем более в наше время, когда в ходе научно-технической революции идет процесс глубочайших изменений как в системах оружия и организации войск, так и в области их боевого использования. Поэтому, изучая историю, мы должны подходить к опыту прошлого критически, взяв из него ценнейшие рациональные зерна.

В минувшую войну наши Вооруженные Силы провели десятки крупнейших стратегических операций, сотни сражений, и каждое из них не было похоже на другое. Из этого следует, что в опыте прошедшей войны прежде всего нужно изучать метод подхода к оценке обстановки и решению боевых задач, постигнуть искусство руководства боями, сражениями, операциями. Изучать творческий почерк командиров, командующих и их штабов. Глубже докапываться до истины, почему делалось так, а не иначе. Такое изучение опыта позволит молодым командным кадрам оттачивать гибкость, смелость, глубину своего оперативного мышления, что крайне необходимо, когда действия войск на суше, в море и в воздухе будут в случае войны высокоманевренными и крайне напряженными.

Почему мы столь тщательно изучаем опыт минувшей войны? Потому, что пренебрегать этим опытом — значит создавать условия для просчетов. История минувшей войны представляет ценность именно потому, что она готовит кадры к наилучшему решению задач современности и является важной основой в разработке тех проблем теории военного

Ю. Кугач. ХОЗЯЙКА.

X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Ф. Решетников. МАЛЬЧИШКИ.

X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

дела, которые обеспечивают высокую боевую готовность Вооруженных Сил.

Происходящая научно-техническая революция в военном деле отнюдь не отрицает возможности использования в будущем всего разнообразия форм боевых действий, которые имели место в прошлую войну. Следовательно, изучая опыт минувшей войны, можно найти много полезного и для современных условий, особенно в области стратегического руководства Вооруженными Силами, тесного взаимодействия видов Вооруженных Сил, всестороннего обеспечения операций, партийно-политической работы в войсках.

Однако бесспорно и другое: некоторые принципы военного искусства, оставаясь сходными по форме, изменили содержание.

— Какими, по-вашему, должны быть взаимоотношения между начальниками и подчиненными в нашей современной армии?

— В Советской Армии, как и в других социалистических армиях, существует и неустанно крепнет морально-политическое единство солдат и офицеров, командиров и подчиненных. Все наши солдаты, офицеры и генералы являются сынами трудового народа. У них одни помыслы — честно и преданно служить Родине, а если нужно, каждый из них готов отдать свою жизнь за свою Родину, за общие наши социалистические интересы.

Поэтому отношения между начальником и подчиненным в нашей армии проникнуты духом взаимного уважения. Это не противоречит принципам поддержания строгой воинской дисциплины. Наши воинские уставы требуют от командиров высокой требовательности, а от подчиненных — беспрекословного, точного и своевременного выполнения приказов своих начальников.

Высокая воинская дисциплина — основа боеспособности войск. Командирам и политработникам принадлежит решающая роль в воспитании своих подчиненных. Постоянная справедливая требовательность обязывает начальника самому быть примером безупречного поведения на службе, в учебе и в быту, он должен точно выполнять законы, воинские уставы и приказы старших начальников, всем своим поведением, моральным обликом, внешним видом влиять на подчиненных.

Мне хочется напомнить слова замечательного деятеля нашей партии и Советского государства Михаила Ивановича Калинина. Он неоднократно подчеркивал, что воспитательная работа — одна из самых трудных, потому что она связана также с личным поведением воспитателей. «Если ты призываешь к дисциплине,— говорил он,— а сам ее постоянно нарушаешь, ясно, что такой призыв будет мало действенным».

Личный пример командира и политработника имеет могучую воспитательную силу. Каждый солдат берет за образец действия своего начальника, старается подражать ему. Недаром говорят: «Каков командир, таковы и подчиненные». Вся деятельность офицера проходит на глазах у солдат и сержантов. Если они видят, что он требователен не только к подчиненным, но и к себе,— это будет иметь огромное воспитательное воздействие.

На высоте своих задач может стоять лишь тот начальник, который правильно организует свою служебную деятельность. Сейчас это условие, как никогда раньше, приобретает особое значение. Как это понимать — работать организованно и культурно? Прежде всего не подменять подчиненных, а требовать от них своевременного добросовестного и умелого выполнения своих должностных обязанностей, определенных уставами. В то же время начальник обязан добиваться, чтобы они в пределах предоставленных им прав действовали самостоятельно, инициативно, правильно используя положения уставов и наставлений в конкретной обстановке.

Умение научить подчиненных действовать инициативно, творчески подходить к своим обязанностям — важнейший показатель зрелости любого руководителя (в том числе и гражданского), его способности успешно решать поставленные задачи. Заботливый и творческий подход к обучению и воспитанию подчиненных есть наиболее яркое проявление честного и добросовестного отношения начальника к своему делу, знания своей специальности.

Таким образом, каждый командир и политработник должен быть профессионалом, знающим свое дело во всех тонкостях и непрерывно расширяющим границы своих познаний. Только при непрерывном повышении идейно-политического и научного кругозора офицер сможет успешно воспитывать и обучать подчиненных.

В нашей воинской работе, как и в любой другой, нельзя рассчитывать на успех без твердой опоры на партийную и комсомольскую организации. Опыт свидетельствует, что дела идут хорошо у тех руководителей, которые действуют в тесном контакте с политработниками, с партийными органами, у руководителей, которые, прежде чем принять ответственное решение, не считают лишним посоветоваться с парткомом.

У нас принято говорить: «Коммунисты — большая сила». И это действительно так. Представим на минуту бой с применением ракетно-ядерного оружия. Действия войск протекают с молниеносной быстротой. Соединения, части почти все время в движении. Мелким подразделениям и даже группам бойцов приходится действовать самостоятельно, порой без командиров. Но как бы ни складывалась обстановка, коммунист, находящийся в строю, может и должен словом и личным примером воздействовать на своих товарищей, поднимать их боевой дух. Об огромной роли партийной организации, о роли коммунистов в строю всегда должен помнить каждый начальник.

— «Огонек» хотел бы передать ваши советы и пожелания нашей молодежи и тем, кому предстоит прийти в ряды Советской Армии и Военно-Морского Флота. Для всех нас это имеет очень важное значение. Как известно, молодежь — наше будущее.

— Могу поделиться некоторыми своими мыслями с нашими молодыми людьми и буду очень рад, если будущие воины прислушаются к словам человека, многое испытавшего за долгую ратную службу. Отцы и деды теперешней молодежи по зову Ленина, руководимые партией, совершили Великую Октябрьскую революцию. Советская Армия уже более полувека с честью и достоинством отстаивает завоевания Октября. Для советского воина нет и не будет более благородной задачи, чем защита своей Родины и готовность отдать свою жизнь за нее.

Октябрь 1941 года. Г. К. Жуков на командном пункте Западного фронта в Перхушкове.

Но для того, чтобы эту задачу выполнить наилучшим образом, необходимо хорошо подготовиться к службе в рядах Советской Армии и Флота. Мне хочется особо выделить некоторые положения этой многогранной задачи.

Нужно быть идейно убежденным защитником своей Отчизны. А для этого необходимо твердо помнить, что все завоевания и победы нашей страны, все ее достижения есть прежде всего результат мудрого и верного руководства Коммунистической партии Советского Союза. Это она, партия, создала нашу армию, привела ее к победе в Великой Отечественной войне, сделала нашу армию сильнейшей в мире.

Под руководством Коммунистической партии большую работу по идеологическому воспитанию молодежи ведет Ленинский комсомол. Не счесть огромных достижений наших комсомольцев в мирном труде и на полях сражений. Все, чем занимается наш комсомол, направлено на решение главной задачи — сделать из молодого человека верного ленинца, активного участника строительства коммунистического общества, а если потребуется, и стойкого защитника Родины.

Какова наша армия сегодня — общеизвестно. Все виды ее Вооруженных Сил оснащены совершенным оружием. В подразделениях, частях и соединениях бойцы имеют дело со сложнейшей боевой техникой, автоматическими устройствами, электронной аппаратурой. Обслуживать такую сложную технику может лишь человек, имеющий достаточную общую и специальную подготовку, выработавший определенный минимум навыков, безупречно исполнительный, дисциплинированный и выносливый.

Новым Законом о всеобщей воинской обязанности значительно сокращены сроки службы в Вооруженных Силах. Такое решение принято с учетом высокого уровня общеобразовательной, моральной и физической подготовки нашей молодежи. Теперь новобранцы значительно быстрее, чем прежде, овладевают высотами воинского мастерства. Но сокращение срока воинской службы возлагает на молодежь и ряд дополнительных обязанностей, связанных с заблаговременной подготовкой к военной службе.

Эта задача общегосударственная, цель ее — обеспечить быстрый ввод молодых воинов в строй. Поэтому в ее выполнении принимают участие органы Министерства обороны, многие другие ведомства, школа и общественные организации.

Вооруженные Силы требуют физически развитых людей. Спортсмен, призванный в армию, сразу же убеждается в своем огромном преимуществе перед теми, кто не придавал значения своей физической культуре.

Конечно, добиться всего того, о чем я сказал, нелегко. Требуются время и воля. Но все это вполне выполнимо. Зато в рядах Советской Армии каждый, кто заранее готовил себя к службе, испытает ни с чем не сравнимое чувство исполненного долга перед Родиной.

В обстановке возрастающей военной опасности со стороны мирового империализма вооруженная защита социалистического Отечества приобретает исключительное значение.

Поэтому в решениях XXIV съезда КПСС подчеркнуто намерение нашей партии и впредь принимать все необходимые меры дальнейшего повышения экономического и военного могущества нашей Родины, для всемерного укрепления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Владимир **СОЛОУХИН**

ГРУ

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

О Грузии слагаю свой сонет.
За ледяными глыбами Кавказа,
Закрыта им от холода и сглаза,
Страна, что вся похожа на букет.

Но почему никто еще ни разу
Не написал другой ее портрет?
Воспеты розы, вина, свадьбы, сазы,
Полдневный труд под солнцем не воспет.

В раю, увы, не райская работа.
На бронзе капли бронзового пота,
И у лопаты бронзов черенок.

Но мы в саду. Хозяева нам рады.
И цвет и плод возделанного сада
Пускай украсят бедность этих строк.

2

Пускай украсят бедность этих строк
Вершины снежной лунное свеченье,
Арагвы синей шумное теченье,
Во тьме Дарьяла воющий поток,

Воды сквозь камень тихое точенье,
На черной пашне розы лепесток
И — в книге перевернутый листок —
Старинных башен дремлющее бденье.

Остатки битв: и меч, и шлем, и щит —
До наших дней земля в себе хранит
И помнит все от плена до побед.

Она и тех времен не позабыла,
Когда святая Нина исходила
Ее простор от Вардзии до Млет.

3

Ее простор от Вардзии до Млет,
От алазанских струй и до Колхиды
Да не узнает горестей и бед,
Не понесет урона и обиды.

Родства дороже не было и нет,
Любовный гимн звучит — не панихида,
Где на горе прославленной Давида
Хранит могила верности обет.

Здесь Пушкин строфы звучные читал,
Шумя крылами, Демон пролетал,
И в крепкой башне Мцыри изнемог,

Там, где в струи Арагвы и Куры
Глядятся склоны каменной горы
И древний Джвари — каменный цветок.

4

И древний Джвари — каменный цветок
И рядом Мцхета — древняя столица
Дошли до нас, чтоб каждый видеть мог
Всю красоту в одной ее крупице.

Суровость, нежность, слезы и восторг
Нашли себе и форму и границы,
Когда, как в сказке, мастера десница
Соединила Запад и Восток...

В ущельях темных, в зелени долины
То целый храм, то скорбные руины
Тех золотых, величественных лет,

Когда судьба так много обещала,
Когда царица взоры обращала
К тебе, Шота, блистательный поэт.

5

К тебе, Шота, блистательный поэт,
Пришла сегодня слава, слава, слава.
Ты на груди грузинской — амулет,
Ты светлый камень — Грузии оправа.

Так от звезды доходит давний свет,
Так древний дуб стоит среди дубравы.
«Прекрасное должно быть величаво» —
Ты разгадал поэзии секрет.

Она — в пустыне чистая вода,
Она — огонь среди снегов и льда,
Среди базара — царственный чертог.

На свет ее сквозь дождь и темноту,
На зов ее сквозь ложь и немоту
Я прихожу, как путник на порог.

6

Я прихожу, как путник на порог,
К тебе, Григол, Ираклий и Отари,
Карло, Фридон, Иосиф и Нодари,
И вылетает пробка в потолок.

Наш тамада, как водится, в ударе,
Ковер стола просторен и широк,
По кругу ходит полновесный рог,
На скатерть льется красное маджари.

Легко-легко хмелеет голова,
Легко приходят нужные слова,
И тост звенит, как вскинутый клинок.

За матерей! За мужество! За встречу!
Сердца друзей открытыми я встречу
Здесь после всех скитаний и дорог.

7

Здесь после всех скитаний и дорог
Был даже Демон снова очарован
И, красотой грузинки околдован,
Гранит слезой раскаянья прожег.

Да, этот край для радости дарован.
Двухчасовой, стремительный прыжок
Из Внукова, где легонький снежок,
И вот он, рай, из золота откован.

Когда народам земли раздавали,
Грузины, как обычно, пировали,
И все ж счастливый вынули билет.

Но что земля без дружбы и привета?
Среди сплошного солнечного лета
Я дружбой больше солнца обогрет.

8

Я дружбой больше солнца обогрет.
Но я и сам носитель этой дружбы,
Ее сторонник и ее полпред,
Ее слуга — прекрасней нету службы.

Меч, ятаган, кинжал и пистолет,
Пожар и мор, дымящиеся лужи
Вдруг прерывали мирный ход бесед,
Кольцо сжимало Грузию все туже.

Из мудрых книг слагаются костры,
Чернеют в храмах фрески от жары.
Но все осталось в прошлом и былом.

Давно «за гранью дружеских штыков»
Земля не слышит цокота подков,
Долины спят голубоватым сном.

9

Долины спят голубоватым сном,
На дне долин поблескивают реки.
За золотым таинственным руном
К земле грузин причаливали греки.

За веком век проходят чередой.
Цари, герои, пахари, калеки...
Жизнь прорастает почкой, и звездой,
И каплей света в каждом человеке.

Легенды и сказания земли
Уходят в дымку, словно корабли,
В тумане зыбком и седом,

Но все легенды явью обернутся,
Когда грузины вместе соберутся
В Алаверды на празднике ночном.

10

В Алаверды на празднике ночном
Горят костры, неистовствуют тени,
Все времена сливаются в одном,
Спектакль времен играется на сцене.

О легендарном, близком и родном
Гремит мужское слаженное пенье,
То молнию, то трудное терпенье
Я вижу в танце огненном потом.

Соседство древних ритмов и нейлона,
Автомашин и чинного поклона,
Транзисторов и пышущих углей.

Руками рвет баранье мясо каждый.
Я тоже рву. Я тоже тоста жажду.
Налейте рог серебряный полней!

11

Налейте рог серебряный полней,
За Родину еще не пита чаша,
За крестный путь, за скорбь и славу нашу,
Отца отцов и матерь матерей!

Мечом единства чресла препояшет
Пусть каждый из достойных сыновей,
Иль нас, как пыль, развеет суховей,
Могилы наши время перепашет.

Красивый, как бы бронзовый, народ
В Алаверды на празднике поет
При виде звезд, под сенями чинар.

Зарей окрасив снежные бока,
Гомборы в небе спят, как облака.
Земля Давида, Нины и Тамар.

12

Земля Давида, Нины и Тамар...
Платформ тяжелых длинные составы,

ЗИЯ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Заводы Кутаиси и Рустави,
Печей плавильных преисподний жар.

Рабочей жизни новые уставы,
Труба, шоссе, плотина и ангар,
Турбины, краны, станции и станы
И на горе вертящийся радар.

На хо́лмах тех, где некогда спала
Та голубая пушкинская мгла,
Я слышу взрыва ищущий удар.

Но Грузия — теперь, дымя и строя,
Теперь в одеждах нового покро́я —
Полна, как встарь, и прелести и чар.

13

Полна, как встарь, и прелести и чар
Грузинка в танце. Как бы безмятежно
Плывет, скользит — лишь бубен застучал,
И тонок стан и платье белоснежно.

Никто ни разу взгляда не встречал
Из-под ресниц, опущенных прилежно:
Как там, за ними,— пламенно иль нежно?
Что там, за ними,— лед или пожар?

Танцор вокруг, как черный сатана,
Кружит, кипит. Но царствует она.
Он вихрь, он взрыв. Но сдержанность сильней.

Плавна, гибка, подвижна и пряма,
Грузинка в танце — женственность сама,
Горит звезда поэзии над ней.

14

Горит звезда поэзии над ней
Сквозь облака плывущие и тучи,
Через туман белесый и летучий
И в чистоте безоблачных ночей.

Язык грузинский, твердый и певучий,
Впитавший звон бокалов и мечей,
Ложится в строфы, полные созвучий,
В поэмы, в гимны Родине своей.

Да здравствуют грузинские поэты
И песни их, что празднично пропеты,
И каждый стих, который не допет!

А я — среди российского раздолья
И, вспоминая братские застолья,
О Грузии слагаю свой сонет.

15

О Грузии слагаю свой сонет.
Пускай украсят бедность этих строк
Ее простор от Вардзии до Млет
И древний Джвари — каменный цветок.

К тебе, Шота, блистательный поэт,
Я прихожу, как путник на порог,
Здесь после всех скитаний и дорог
Я дружбой больше солнца обогрет.

Долины спят голубоватым сном.
В Алаверды на празднике ночном
Налейте рог серебряный полней!

Земля Давида, Нины и Тамар
Полна, как встарь, и прелести и чар.
Горит звезда поэзии над ней.

НОВЫЕ ГЕРОИ УССУРИЙСКОЙ СЦЕНЫ

Трудно переоценить важность темы, которую раскрывает пьеса Николая Горбачева «Земной гром».

Глядя спектакль, зрители Уссурийского театра Краснознаменного Дальневосточного военного округа воочию убеждаются, что служба в армии — трудное, но и необыкновенно интересное, творческое дело, требующее от человека умения решать и политические, и философские, и научно-технические вопросы... Советская Армия — сложнейшая социально-политическая система, поэтому служба в ее рядах приносит человеку огромное творческое удовлетворение. Перед солдатом встает комплекс таких непростых вопросов современности, которые людям других профессий решать не приходится...

Армия формирует людей духовно сильных, талантливых, дерзновенных, умеющих строить жизнь и влюбленных в нее. Эту мысль автора пьесы Н. Горбачева и постановщика Г. Томилина несет каждый исполнитель. Каждая роль в спектакле становится для актеров предметом поиска и открытий высоких нравственных качеств в человеке.

Актеры играют спектакль с особенным подъемом. Чувство радости, увлечения великолепно несет молодежь театра. Запоминаются В. Солодуненко и Р. Хаснудинов, исполняющие роли солдат Остапа Рожко и Михаила Евсикова, а также главный герой спектакля, молодой лейтенант Пермяков в исполнении артиста С. Тищенко.

В «Земном громе» театр с максимальной ясностью утверждает свой гражданский и творческий принцип: показывать человека в тот момент, когда жизнь требует от него четкого ответа на вопрос: что ты сделал, чтобы завтрашний день был лучше, светлее, радостнее...

В этом своеобразие поэтического спектакля, созданного военным театром в Уссурийске.

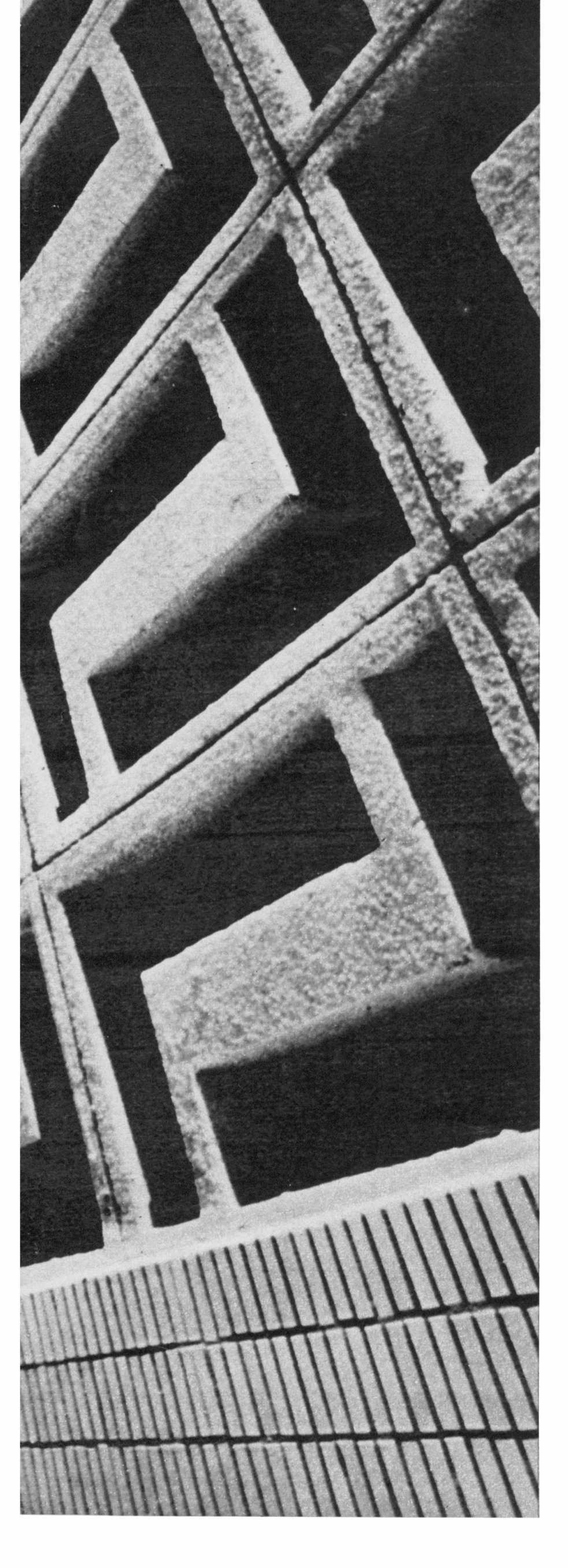
В. ВОРОБЬЕВ

На снимке: сцена из спектакля «Земной гром». Р. Хаснудинов (слева) — Евсиков, В. Солодуненко — Рожко.

Санаторий «Актер»: элегантно и удобно!

БОЛЬШИЕ СО
БОЛЬШАЯ СТРОЙ

И. К. ПОТАПОВ,
первый секретарь
Сочинского горкома КПСС

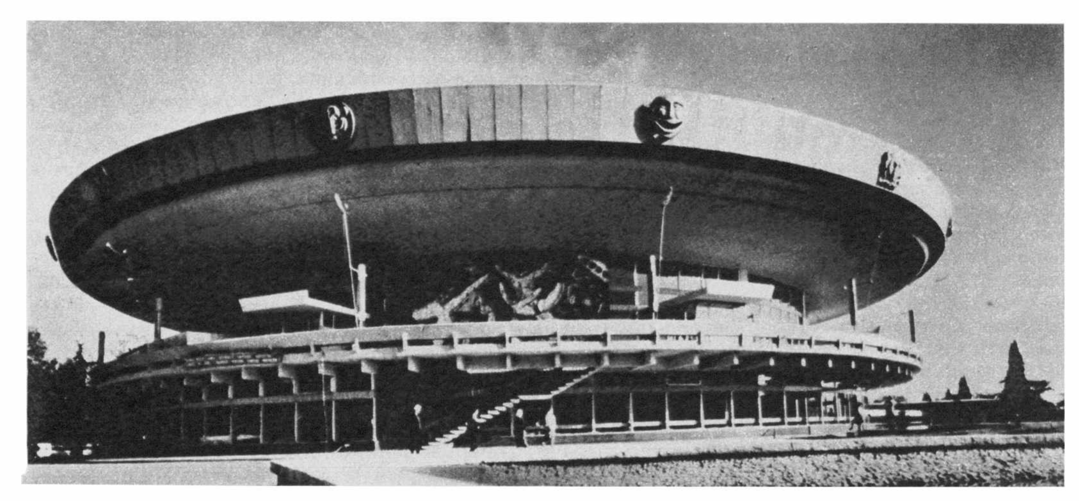
Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ПОЛЕТ В 1975 ГОД

«Какими будут Большие Сочи?» — этот вопрос часто задают гости нашего города. И чтобы ответить на него всем сразу, я предлагаю совершить небольшое путешествие в 1975 год.

...Представьте себе, что вы приехали погостить к нам. Что нового вы увидите? Ну, прежде всего нужно уточнить, каким видом транспорта вы прибыли в Сочи — воздушным, морским или железнодорожным. Предположим, вы выбрали самолет...

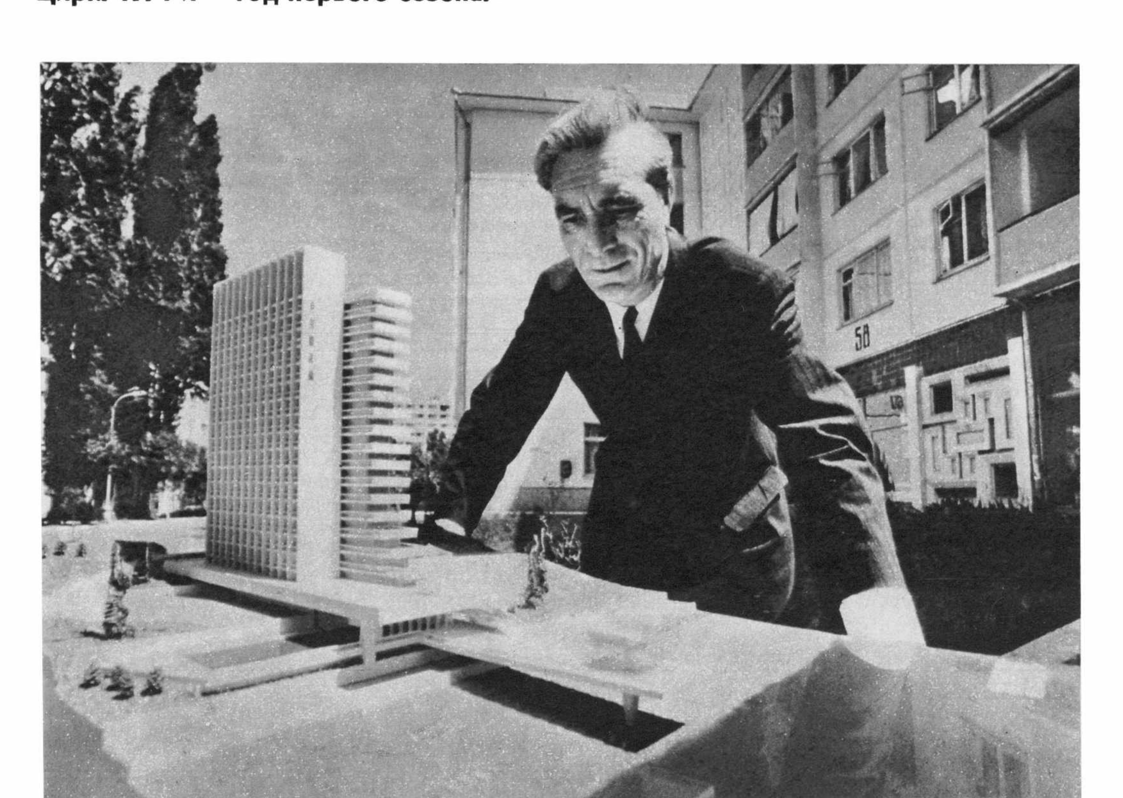
Подан трап, и двести пассажиров могучего самолета сходят на землю. Прозрачные стены нового аэровокзала делают его похожим на гигантский куб льда. Взлетно-посадочные полосы скрестили свои устремленные к горизонту стрелы: аэропорт значительно расширился за счет села Молдовки и теперь может принимать самолеты любых марок. Несмотря на резко возросший поток пассажиров, аэродромные службы четко обслуживают и прибывающих и отлетающих. Поэтому уже через несколько минут вы мчитесь на такси или автобусе по шоссе, направляясь к центру города. Дорога выносит поток машин прямо к АКГ — Адлерскому курортному городку: исчезли переезды, объезды, повороты. Комплекс пансионатов АКГ пользуется успехом и зимой — к услугам гостей бассейны с морской водой, дансинги, спортзалы, рестораны. Здесь могут отдыхать одновременно семь тысяч человек. Особенно выделяются четыре шестнадцатиэтажных корпуса, на тысячу мест каждый. Дальше на фоне моря хорошо видна шестиэтажная база отдыха общества «Знание» и рядом с ней турбаза ВЦСПС — два корпуса по 500 мест. Справа, на зеленых склонах предгорий, расположился курортный городок Мосгорисполкома, а за ним — пансионат мурманских рыбаков.

Цирк. 1971-й — год первого сезона.

ЧИ,
КА

— Многие такие здания еще только в проектах и макетах. Но уже в нынешней пятилетке эти здравницы примут тысячи отдыхающих,— говорит Петр Афанасьевич Зуев, главный инженер проектного института «Южгипрокоммунстрой».

Приморское шоссе, связывающее Адлерский и Хостинский районы Сочи, стало шире и прямее, но его дни уже сочтены: в стороне от города, в горах, прокладывается автострада, которая, минуя все крупные населенные пункты, соединит морское побережье Краснодарского края с Грузией. Сотни тысяч машин пойдут тогда не по улицам Сочи, а далеко от здравниц и баз отдыха. В городе станет значительно тише, исчезнет запах бензина, как уже исчезли дымки над многочисленными трубами фабрик и комбинатов: все топки переведены на природный газ. Сочи стали городом, прославленным на весь мир чистотой воздуха.

...А машина мчится дальше, к центру. Повсюду новые здания: турбазы, кемпинги, пансионаты, санатории. Вот за Кудепстой, на месте бывшей автобазы, высится четырнадцатиэтажный санаторий Министерства автомобильного транспорта РСФСР... Возле реки Хосты, сразу за новым широким мостом,— пансионат железнодорожников, а дальше корпуса санаториев «Аврора», «Электроник»...

«Большие Сочи — большая стройка»,— говорят у нас. Строительные работы ведутся не только на новых местах, но и на участках, освобожденных от одноэтажных домиков, старых зданий. Таких участков еще много даже в самом центре города — это, так сказать, внутренние резервы. Увеличилась площадь пляжей: освоены береговые зоны в Головинке, Лоо, Якорной щели.

...Слева промелькнул международный лагерь «Спутник». Там тоже много «новинок» — клубы, высотный корпус на 600 мест. А чуть дальше пансионат «Зеленая роща» — новые корпуса, подъемник, выход на пляж через тоннель. Вот санаторий ВТО «Актер» с бассейном, с большим лечебным комплексом...

Чем ближе к центру Сочи, тем чаще попадаются отели, кафе, кинотеатры. Рядом с рестораном «Лазурный» выросла гостиница «Московская» на 600 мест. За дендрарием—необычное здание цирка, новый высотный корпус пансионата «Светлана», вмещающий тысячу отдыхающих. А справа — здание «Универсама». Светофоры с перекрестка «Светланы» исчезли — подземные переходы значительно улучшили взаимоотношения пешеходов и водителей.

Машина еще идет по виадуку, а слева, словно вышедшая из моря, возвышается девятнадцатиэтажная красавица «Жемчужина» — самый крупный отель Больших Сочи. «Жемчужина» — один из совершеннейших отелей страны: рестораны, бассейн с морской водой, пляжи, спортивный комплекс, бары, дансинги. Здесь одновременно могут жить более двух тысяч человек.

Миновав картинную галерею, городок аттракционов, ресторан «Каскад», машина подъезжает к похожему на гигантскую раскрытую книгу двенадцатиэтажному отелю «Центральный». Это центр Сочи. Прямо — дорога в Лазаревский район, направо — к железнодорожному вокзалу, налево — к морскому порту.

...Теперь представьте, что гости Сочи приехали на курорт поездом.

Пройдя через вестибюль вокзала, они оказываются на большой площади, окаймленной семиэтажной гостиницей «Чайка», прозрачными стенами автовокзала и отелем «Аэрофлот» (для воздушных пассажиров-транзитников). Тут же на вокзальной площади и в прилегающих к ней домах улицы Горького расположены всевозможные коммунальные службы: квартирное бюро, различные мастерские, ателье...

У вокзала начинается новый, широкий проспект имени Ленина, выходящий к гостинице «Центральная», той самой, возле которой закончили свое путешествие гости, прибывшие из аэропорта.

Ну, а каким увидят город те, кто подъезжает к нему с моря?

...Береговая панорама заметно изменилась, обогатилась, как говорят архитекторы, многими вертикалями: строения на берегу стали выше, многоэтажнее. Уже освоены и склоны гор. У самого берега выросли новые здравницы, открылись пляжи. Застраиваются и обрывистые, высокие берега — пример великолепного «Приморского» корпуса санатория «Сочи» теперь взят на вооружение архитекторами.

Подплывая к морскому порту, что расположен в центре города, пассажиры лайнеров видят многие из новых здравниц — санаторный комплекс в балке Мусина-Пушкина, санаторий ленинградского Кировского завода, Министерства заготовок, АПН, «Узбекистан», «Ставрополье»...

Под самым Сочинским маяком, в Турецком овраге, вырос киноконцертный зал на три тысячи мест. В нем проходят международные фестивали кино и музыки, праздники песни, выступления артистов из всех стран мира. Сцена здесь может превращаться в ледяное поле, и тогда на нем выступает балет на льду, проводятся соревнования по фигурному катанию. Кроме нового цирка и картинной галереи, появились десятки кинотеатров при санаториях, домах культуры в Адлерском и Лазаревском районах, новые летние концертные залы.

Но основные перемены гостям, пожалуй, сразу и не заметить — для этого нужно хотя бы немного пожить в Сочи 1975 года.

В каждом санатории, доме отдыха, пансионате появились новостройки: жилые корпуса, бассейны, медицинские или спортивные комплексы. Количество мест только в санаториях увеличилось на двадцать тысяч. Это значит, что здравницы Сочи за год могут обслужить на четверть миллиона человек больше, чем в 1971 году. **Общее число отдыхающих и курортников достигнет трех миллионов!**

Один американский бизнесмен так сформулировал свои впечатления от Сочи: «Это самая великолепная фабрика, которую я видел в своей жизни, фабрика, вырабатывающая самое ценное, что есть на земле,— здоровье».

Обычно высказывания иностранцев о Сочи всегда восторженны: ведь ничего подобного ни в одной капиталистической стране увидеть нельзя. И дело тут не только во внешнем эффекте.

«Сервис, которым у нас пользуются только богатые люди, завсегдатаи курортов, в СССР является предметом, как говорят русские, ширпотреба» — это высказывание итальянского специалиста по туризму.

Совершенствование всех форм обслуживания — это для нас проблема № 1. В нашем городе двести сорок тысяч населения — и два с половиной миллиона (в 1969 году) отдыхающих! Понятно, что основная часть сочинцев занята в сфере сервиса. Но ведь, кроме того, в городе 13 совхозов, которые в межсезонье полностью обеспечивают курорт свежими овощами и многими продуктами питания, а во время летних «пик» — более чем наполовину. А порт, фабрики, пищевая промышленность, транспорт...

Нельзя забывать также, что перед Сочи, как и перед любым городом нашей страны, стоят задачи всемерного и быстрого повышения благосостояния трудящихся. Для сочинцев их город не курорт, а место, где они живут и трудятся. Поэтому горком партии и горсовет особое внимание уделяют строительству жилых домов, детских учреждений, предприятий коммунального хозяйства, магазинов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в докладе на XXIV съезде КПСС подчеркнул: «...сфера услуг заслуживает самого большого внимания и с точки зрения выделения средств, необходимых для ее развития, и с точки зрения укрепления кадрами, повышения общественного престижа работающих в этой области людей».

В Сочи уже сейчас создана широкая сеть школ и курсов для подготовки официантов, поваров, гостиничных служащих, гидов, переводчиков и работников других служб сервиса. Более разнообразной становится сфера услуг и развлечений.

Неустанно ведутся поиски новых форм сервиса. Примером этого может служить хотя бы рождение такой традиции, как «русское чаепитие». Сочи — единственный район Российской Федерации, где растет чай. Русский чай, или, как его официально именуют, краснодарский, на Международной дегустации в Брюсселе был признан равным лучшему в мире цейлонскому. Но если на Цейлоне, в горах Индокитая и других странах Юго-Восточной Азии чай культивируется уже несколько тысяч лет, то в России — всего шестьдесят. И началось это в Сочи, в Солох-ауле, на маленькой делянке любителя-энтузиаста. Теперь чай выращивают совхозы. Прекрасный по своему букету аромат и вкус краснодарского чая всегда вызывает восторг ценителей этого напитка во многих странах мира.

Традиции чаепития уходят своими корнями в седую старину. Так, например, широко известна «чайная церемония» в Японии. Этот ритуал пользуется неизменным успехом у всех, кто приезжает в Страну Восходящего Солнца. Существуют своеобразные традиции чаепития и у русского народа. Но они до последнего времени были незаслуженно забыты. Сочинцы решили возродить их. Дагомысский чаесовхоз в поселке Уч-Дере построил единственные в мире дегустационные терема. Это изящные домики в старинном русском стиле: толстые, рубленные «в лапу» стены, галерея на точеных столбах, узорные крылечки, кружевные орнаменты крыш. Внутри — лавки, расшитые полотенца, русские печи, где пекутся блины и пироги; самовары; бочата с медом; туесы с вареньем — брусничным, клюквенным, земляничным, черничным... В чайниках различных форм и размеров заваривается русский чай, и его аромат, как облако, окутывает весь терем. А с галереи видны снежные вершины гор и море. Вокруг на склонах гор — чайные плантации...

Большие Сочи — самый крупный курорт мира и один из самых больших по территории городов земного шара. Внимание, которое партия и правительство повседневно уделяют проблемам Больших Сочи, громадно. Только за последние годы принят ряд решений и постановлений, определяющих будущее курортной столицы нашей страны. Утвержден генеральный план развития Сочи, разработаны вопросы строительства и архитектуры города-курорта, предусмотрено резкое увеличение мест в кемпингах, лагерях, турбазах. Территория городских парков увеличится с 80 гектаров до 200. Внушительно выглядят и хозяйственные планы: мелиорация Имеретинской долины в Адлерском районе, новые парниковые и тепличные хозяйства, развитие цитрусоводства, строительство автострад и многое другое.

И все же, если говорить откровенно, несмотря на то, что в Сочи к 1975 году войдут в строй сотни новых объектов индустрии здоровья, спрос на услуги этой индустрии все еще будет превышать предложения. По-прежнему Черноморское побережье будет принимать на себя основной поток курортников и туристов. С наступлением сезона миллионы отпускников привычными маршрутами двинутся к Черному морю. И если в Сочи будет даже в двадцать раз больше отелей, то и тогда, увы, номеров всем гостям не хватит. Каков же выход из этого положения? Только комплексное строительство новых курортов и их равномерное развитие решат проблему перенаселенности Сочи, Ялты, Анапы, Пицунды и других популярных зон отдыха. Ведь в районе того же Причерноморья еще очень много мест, которые вполне заслуживают того, чтобы стать курортами. Не секрет, что ряд отличных по своим климатологическим свойствам местностей используется для отдыха трудящихся или не на полную мощность, или вообще не используется.

Специалисты по туристской экономике, анализируя потенциальные курортные возможности СССР, подсчитали, что по количеству мест, пригодных для создания курортов, Советский Союз занимает первое место в мире. Следовательно, нужно активнее осваивать курортную целину. Пусть быстрее растут новые Ялты, Гагры, Сочи.

XXIV съезд КПСС поставил перед всеми работниками курортов ответственную задачу: обеспечить дальнейшее развитие санаторно-курортного лечения и организованного отдыха трудящихся. Словом, надлежит обеспечить советским людям такой отдых, какой они заслужили своим самоотверженным трудом. Трудящиеся Сочи приложат все силы, чтобы выполнить свой долг и оказать каждому из гостей города прием, соответствующий традиционному русскому гостеприимству.

...Вот и закончилось наше путешествие в недалекое будущее. На прощание, как принято у нас на Кубани, всегда высказываются добрые пожелания. Хочется и мне дать хороший совет всем, кто еще не отдыхал в Сочи: не обязательно откладывать свою поездку к нам до 1975 года — приезжайте, когда захотите! Добро пожаловать!

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в пальметтном саду совхоза «Прут», Унгенского района.

Фото Э. Мечника и В. Садчикова.

ЯБЛОНЕВЫЙ ЦВЕТ

Молдавия — пионер внедрения в стране пальметтного садоводства. Каково главное его преимущество! На гектаре размещается в два-три раза больше низкорослых деревьев, чем обычных. Полное плодоношение наступает на пять лет раньше, а урожай фруктов на гектаре достигает 400—500 центнеров.

В апреле нынешнего года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев во время остановки пс пути в Софию на пограничной станции Унгены посетил совхоз «Прут» и осмотрел уникальный пальметтный сад.

Об этом саде в Унгенах рассказывает сегодня молдавский писатель Павел Боцу.

Павел БОЦУ

Вначале казалось, что эта земля так и не покажет, на что она способна, из недр своих не сможет больше вызвать живительных соков. И в самом деле, все помнится так живо, как будто это было вчера. На обширный массив возле Унген каждый год ранней весной выходили трактористы и механизаторы. Работали до седьмого пота. Приходили из ближних сел — Буздуганы, Костулены, Морены и других. А борозда — соответствие с нормативом, семена — что ни на есть отборные. Затрачивались труд и средства. Слишком много средств, чтобы летом собрать по нескольку центнеров гороха и ячменя с гектара.

Об этом времени вспоминают сегодня с улыбкой дед Василе Дулман, работницы совхоза Зина Бобок и Раиса Талпалару, бригадиры Николай Болдишор и Пантелей Герман, главный агроном совхоза «Прут» Василе Блудару. Яков Миронович Чакир, директор этого крупного и сложного хозяйства, рассказывает так:

— Рубеж 1963 года стал для нас рубежом крутого перелома. В том году на месте горохового и ячменного поля мы задумали создать сад...

Было решено обработать землю глубокой вспашкой, говоря профессионально, поднять плантаж под посадку сада на 400 гектаров. Развернулся широкий фронт весеннего наступления. Работали день и ночь. Сверкали лемеха плугов, глубоко входили в чернозем, переворачивая борозду за бороздой, словно строки новой поэмы. Своеобразным аккомпанементом тогда служило им тревожное щебетание разбуженных птиц да тусклый свет луны, похожей на лемех.

Когда после долгих дней работы пришли обмерить место плантажа, установили: трактористы ма-

лость «дали маху». Вместо запланированных 400 гектаров распахали около 800.

Не доверяя машинам, вручную выкопали глубокие ямы, подготовили почву. Потом стали искать саженцы — так начался уже второй этап борьбы за жизнь сада. На помощь пришли работники института виноградарства и виноделия, было прочитано много специальной литературы. Побывавшие в Венгрии, Болгарии, Италии местные садоводы помогли ценными советами.

Великолепная идея не заставила себя ждать: это будут новые по типу, так называемые пальметтные сады, это будет качественный скачок для самого хозяйства, пример для других. Ибо мало просто создать сад. Надо, чтобы он был высокорентабельным. Простой расчет: обычный сад дает, как правило, 70—100 центнеров яблок с гектара, пальметтный — примерно 400 центнеров сочных, ароматных шаров. И еще: этот сад можно обрабатывать механизмами, здесь солнцу дана возможность щедро одаривать своими лучами, дыханием каждое яблоко. И снова арифметика: за первый сорт яблок хозяйство получает по 55 копеек с килограмма, за второй — 13 копеек. Цифры подстегивали. Казалось бы, все очень просто: созрели фрукты, потряси яблоню и собери их в корзину! Старики говорят, что ствол дерева для того и создан, чтоб можно было потрясти дерево. Но при этом яблоки, падая на землю, часто бьются. Значит, второй сорт? Нет, нельзя так. Сконструировали специальные лестницы, платформы для того, чтобы рукой достать каждое яблоко. Построили ирригационную систему, внесли минеральные удобрения. Среди попечителей гигантского сада был и Институт физиологии растений Академии наук республики. Ученые тоже зачастили сюда.

Сегодня этот чудо-сад на промышленной основе насчитывает около 2 тысяч гектаров — великолепные плодоносящие деревья. Они возвращают сторицей затраченный труд. Канул в небытие гороховый век этих земель.

Несведущему человеку не так-то легко постичь закономерности того, что называется «пальметтой». По словарю это слово означает «орнаментальный мотив», «стилизованный лист». А для садоводов это своеобразный метод воспитания, формирования характера будущего дерева. Вся суть вопроса сводится к тому, чтобы приучить его развиваться так, как нужно человеку. В обычных условиях оно стремится расти вверх, к солнцу. Вся сила корней, все соки земли затрачиваются именно на рост. Здесь этот процесс протекает по-другому, стремление дерева к росту как бы задерживается тем, что ветви на время привязываются, пригибаются к земле, изменяется угол наклонения ветвей. Рост задерживается или вообще прекращается, и вся сила отдана заботам о потомстве, образованию плодов. На каждой ветви появляется намного больше почек, сад как бы спешит выполнить свой долг и года на три-четыре раньше, чем обычно, начинает плодоносить.

Эпопея создания сада под Унгенами завершилась успешно. Древняя земля как бы проснулась, собирая исполинскую силу своих подземных кладовых. Каждую весну бело-розовый яблоневый цвет ветви сливается с живыми красками весенних зорь, воспевая талант и трудолюбие человека.

И дед Василе Дулман и сам директор совхоза Яков Миронович Чакир редко теперь вспоминают тех, кто когда-то злословил, когда видел, как садоводы совхоза привязывают, пригибают ветви к земле: ставят, мол, сад на прикол, чтоб не удрал... Все больше людей со всех уголков нашей страны и из-за рубежа приезжает сюда, чтобы посмотреть, увидеть и этот сад.

«Не место красит человека, а человек — место» — говорится в народной поговорке. Ее мудрый, древний и каждодневный смысл постигаешь еще раз здесь, на припрутских холмах, где творческий, неустанный поиск стал своеобразным девизом жизни человека, чьи натруженные руки творят чудеса.

Слава вам,
угловатые,
узловатые
хлебороба ладони.
Вы коня оседлали,
впрягли, и взнуздали,
и на пахоту вывели в поле —
битюга с бугристою грудью.
Ваша сила
пóтом пласт оросила,
чтоб полный нести каравай
людям.

Слава вам,
руки-недропроходцы.
Вы сквозь камень и лаву
бурили колодцы,
из глубин доставали
непокорную воду,
сокрушая в пути
вековую породу.

Слава вам, руки безвестные,
честные,
что сажали сады,
наливали пруды.
Слава вам, безымянным,
за ваши,
за ваши труды.

Бригадир Петр Цугуля — секретарь партийной организации.

Догорает день...
Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

ЕСТЬ ЛАБОРАТОРИЯ!

В № 11 нашего журнала за 1969 год был опубликован очерк «Барокамеры Василия Кравченко», рассказывающий о трудной судьбе изобретений московского инженера. В том же году мы еще раз вернулись к этой важной теме (№ 47, статья «Разговор не окончен»), воспользовавшись многочисленными откликами наших читателей, в том числе специалистов.

И вот теперь с удовлетворением сообщаем: недавно в Академии наук СССР (Отделение физиологии) под председательством академика-секретаря Е. Крепса заслушали и обсудили доклад директора Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры, председателя Комиссии АН СССР по физиологии и психологии спорта, доктора медицинских наук А. Коробкова. Выводы участников обсуждения:

«Признать целесообразным расширение во ВНИИ физической культуры научных исследований в области физиологических проблем в восстановительном периоде в условиях физических нагрузок и изучения влияния на эти процессы гипоксических состояний, разности барометрических давлений».

Вслед за этим постановление № 51 принял Государственный Комитет Совета Министров СССР по науке и технике, согласно которому ВНИИФК, в частности, поручается:

«Исследовать влияние различных режимов использования барокамеры активной гиперемии для оценки протекания восстановительных процессов и лечения травм, расстройств сосудистой системы, развития физической работоспособности и др. (в эксперименте на человеке, у лиц разного возраста)».

Наш корреспондент М. Хромченко попросил рассказать о планах новой лаборатории ее руководителя, директора Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры профессора А. КОРОБКОВА:

— Барокамера конструкции В. Кравченко, предложенный им способ лечения активной гиперемией и разностью барометрических давлений давно применяются в институте. В изобретении московского инженера нас привлекли простота метода и его эффективность. Этим средством восстановления работоспособности в настоящее время пользуются многие спортсмены. Они на собственном опыте убедились в том, что сеансы барокамеры быстро снимают усталость и восстанавливают работоспособность мышц. О том же свидетельствуют некоторые объективные физиологические показатели и тесты на работоспособность.

Не менее успешно мы использовали барокамеру В. Кравченко и его способ лечения травмированных спортсменов и больных радикулитом. Практика показала, что сеансы барокамеры сокращают время нетрудоспособности после растяжений и надрывов связок и мышц, воспаления суставов, а также после оперативных вмешательств.

Получив данные о лечебной эффективности баротерапии, мы попытались выяснить, каким путем она воздействует на организм человека. Сотрудник института, кандидат медицинских наук И. М. Эпштейн разработал методику определения константы скорости потребления кислорода тканями. Обычно этот процесс регулируется клетками: чем активнее их деятельность, чем больше они тратят энергии, тем больше им требуется кислорода и тем быстрее они его усваивают.

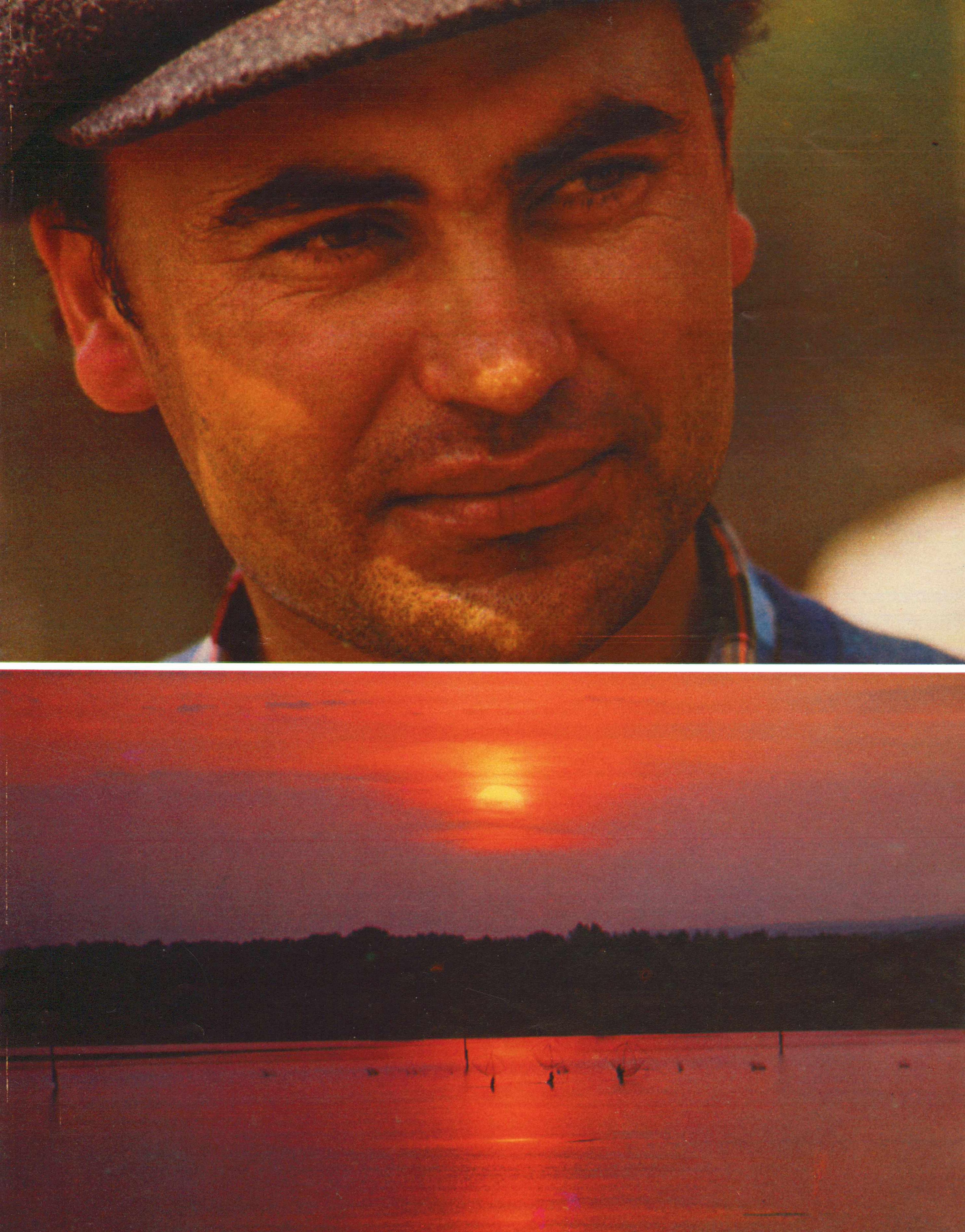
Кислород в клетки доставляют мельчайшие кровеносные сосудики — капилляры. Следовательно, дыхание клеток во многом зависит от проницаемости сосудистой стенки. Но именно она нередко нарушается у физически переутомленных и больных людей, то есть как раз у тех людей, ткани которых нуждаются в усиленном притоке кислорода.

Предварительные исследования, проведенные в нашем институте, показали, что разность барометрических давлений между кровью и тканями, создаваемая с помощью барокамеры В. Кравченко, усиливает приток живительного газа в работающие клетки. Очевидно, это достигается двумя путями. Первый — восстанавливается проницаемость сосудистой стенки. Второй — раскрываются и включаются в «работу» прежде «спящие», резервные капилляры. Все это приводит к тому, что скорость потребления кислорода за стенкой сосудов резко возрастает, причем самое важное — не только в той руке или ноге, которая в тот момент находится в аппарате, но и в других участках тела.

Таким образом, уже сегодня мы можем предположить, что изобретения В. Кравченко, ныне запатентованные во многих странах, дают нам способ усиления обмена веществ, в первую очередь газового и энергетического. Пока мы говорим об усилении, хотя и это чрезвычайно важно. Однако не исключено, что дальнейшее изучение влияния барокамеры активной гиперемии во вновь создаваемой лаборатории, которая будет изучать процессы восстановления у спортсменов, подтвердит способ В. Кравченко управления процессами обмена веществ, в том числе важнейшим — биоэнергетическим. Тем самым будет положено начало новому научному направлению баробиологии и баротерапии В. Кравченко.

Научившись создавать направленные потоки кислорода в тканях, иными словами, получив возможность запасать в организме энергию впрок, как бы строить «резервуары жизненной активности», мы сумеем повысить надежность, сопротивляемость, выносливость организма. А это в конечном счете еще один путь — естественный, физиологический — избавления человека от многих болезней, укрепления здоровья, продления активного, творческого периода жизни человека.

В заключение надо подчеркнуть, что мы находимся в самом начале экспериментального пути и предстоит большая научная работа по раскрытию существа изучаемых восстановительных процессов. Основным оружием для решения и доказательств должны стать научные факты. Мы к этому стремимся.

Сколько садов вырастил за свою долгую жизнь Алексей Васильевич Грубый, теперь и вспомнить трудно... И вновь

ь зацветают сады. Руки молодых, таких, как школьница Маричика Тригуб, примут эстафету...

ВЕРЦИНГЕТОРИКС

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

Рисунки П. БУНИНА.

Это маленькое, но необычайное происшествие имело место, когда еще была жива последняя из Суриковых, моя семидесятисемилетняя тетка Елена Васильевна. К тому времени она уже стала сутулой, грузной женщиной, с отечным, желтоватым лицом. Очки с толстыми стеклами придавали этому лицу некоторую угрюмость ученого человека. Ее и в самом деле можно было считать ученой: пятьдесят лет она блестяще преподавала историю в средних школах.

Неудачно сложившаяся личная жизнь, одиночество, вызывавшее истеричность, бурный темперамент от природы — все это вместе выплескивалось в преданность науке. Богатое воображение, помогавшее ей оживлять исторические события, изложенные сухим языком учебников, в быту создавало множество ненужных столкновений с сослуживцами или соседями и усложняло обстоятельства вечными поисками философских разрешений вопросов там, где требовалась просто трезвость взглядов.

Но была у Елены Васильевны и другая сторона жизни: с юных лет она мечтала стать актрисой. В свое время отец, художник Василий Иванович, отговорил ее от поступления в театральную школу, мало веря в ее одаренность и считая эту страстишку модным поветрием. Проклиная все на свете, Лена пошла на Высшие женские курсы и стала преподавательницей истории. Но театр так и остался мечтой ее жизни, вечно притягивая, дразня и доставляя наслаждение и страдание вместе. Она не могла отказать себе в радости посвящать самодеятельным спектаклям все свое свободное время и в рабочих и студенческих клубах играла роли комических старух в пьесах Островского. Она ставила школьные спектакли, увлекаясь режиссерской работой. Когда же с пенсией отпало преподавание, то она всю себя отдавала искусству, исполняя роли старух на клубных сценах. Она играла их с упоением, хотя собственная старость усложняла поездки на репетиции, все труднее держались памятью слова ролей и утрачивалась подвижность на сцене. Иногда репетиции назначались в таком дальнем районе, что Елена Васильевна не могла добраться одна, тогда она звонила мне по телефону и просила заехать за ней на такси.

Так было и в тот холодный мартовский день. Я взяла такси на площади Восстания, чтобы по дороге на Большой Садовой захватить Елену Васильевну и отвезти в какой-то загородный клуб. Молодой бледный шофер, с погасшей сигаретой в углу рта, молча довез меня до подъезда дома № 10, где ждала меня тетя. Сквозь завесу из хлопьев мокрого снега маячила на краю тротуара в терпеливом ожидании сутулая фигура Елены Васильевны, в зимнем пальто и меховой шапке, надвинутой до бровей. Шофер притормозил, и я помогла тетушке влезть в машину.

Усевшись поудобнее на заднем сиденье, Елена Васильевна оживленно начала расспрашивать меня о моих детях, потом о работе,— я тогда писала книгу о дедушке Сурикове.

— Когда же ты все-таки покажешь мне, что ты там насочиняла? — не без иронии спросила меня тетушка. Она ревновала ко мне память об отце и сомневалась, что у меня что-либо получится.

— Только я сама могу написать о папе,— утверждала она.

— Так почему же ты, Лена, до сих пор не написала ни строчки?

— Ничего, успею. Вот как начну писать, так лучше всех вас, писателей, напишу!

Но и она и я знали отлично, что это неосуществимо просто потому, что не хватит у нее ни сил, ни терпения поднять такой тяжелый груз воспоминаний. Потом заговорили о книгах, о моей «Древней столице», и тут, попав в русло исторической темы, Елена Васильевна начала меня экзаменовать.

— Вот ведь ты, наверно, знаешь только русских полководцев — Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова, а об Александре Македонском, наверно, ничего не знаешь! А Юлия Цезаря ты помнишь?.. Только понаслышке! А, к примеру, кто такой был Верцингеторикс, ты знаешь или нет?

— Нет, не помню,— сознаюсь я.

Тетушка вскидывает на меня глаза за выпуклыми стеклами очков и начинает подсмеиваться.

— Ну, как же ты не знаешь, кто такой был Верцингеторикс? А еще писательница! Каждый школьник знает это имя. Вон, наверно, и наш шофер мог бы ответить, впрочем, он занят другим делом, с него трудно требовать, ему прощается...

— А почему? — вдруг неожиданно подал хрипловатый голос наш водитель.— Почему вы так уверены? А я вот отвечу! Верцингеторикс был галльский полководец середины первого века до нашей эры. Он хотел остановить вторжение римлян в Галлию... Но только у него ничего не вышло. Он проиграл Юлию Цезарю сражение в Алезии.

Мы с теткой онемели от удивления, потом Елена Васильевна со свойственной ей экспансивностью расхохоталась.

— Постойте,— закричала она,— постойте, остановите машину! Наташа, я хочу пересесть на твое место, поближе к этому молодому человеку.

Шофер, несколько испуганный внезапностью решения, все же затормозил, подъехал к тротуару, и мы поменялись местами.

— Послушайте, молодой человек,— начала она, близко вглядываясь в профиль водителя.— Это замечательно, что вы интересуетесь историей Древнего Рима... Я могла бы вам посоветовать, что прочесть.— И, увлекшись, Елена Васильевна начала рассказывать о записках Юлия Цезаря. Она говорила так вдохновенно и занимательно, что водитель, заслушавшись, еле-еле вел машину.

— Вы представьте себе, какое это сложное дело было — воевать! Нападающие строили осадные укрепления. Это были целые города с движущимися башнями, которые назывались черепахами; тараны, катапульты... А осажденные строили не менее сложные защитные сооружения: стены, дамбы, рвы, каналы. Воины Юлия Цезаря были специалистами по земляным работам и мелиорации и в то же время блестяще владели оружием. А какая была муштровка! Какая выносливость!..

Елена Васильевна забыла обо всем на свете. Сдвинув шапку на затылок, она читала лекцию. Лицо ее помолодело, порозовело, она смеялась, восхищалась, удивляя и заражая нас с шофером. Вся история Верцингеторикса проходила перед нами точная, сжатая, но оживавшая в каких-то неожиданных, маленьких деталях.

Мы подъезжали к цели нашего путешествия, когда Елена Васильевна вдруг спохватилась:

— Батюшки!.. Заболталась я с вами и про роль свою забыла. Наташа, я тебе не говорила, что мы сегодня репетируем?

— Как будто «Свои люди — сочтемся».

— Правильно... Вот, товарищ шофер, видите желтое здание с вывеской «Кино»? Вот туда, пожалуйста...

Мы подвезли Елену Васильевну к зданию клуба, она заторопилась и, смущенно улыбаясь, протянула руку водителю. И было во всей ее поспешности и близорукой неуклюжести что-то искреннее и трогательное, что отличает людей высокой духовной культуры от обычных удачливых, нормальных людей, часто не задумывающихся о том, сколько вкладывается души и разума в дело просвещения. Я помогла тетушке вылезти из машины и, взяв ее под руку, повела к дверям клуба. И интересно было наблюдать, как изменялись лицо и голос ее, пока она переключалась на другое «амплуа». Она что-то бормотала, кивала головой, и это была уже старая актриса, а не профессор истории.

Когда я вернулась к машине, шофер, возбужденно докуривая сигарету и поблескивая глазами, спросил:

— А кто эта ваша старушка — актриса или историк?

— По профессии — историк, а по влечению сердца — актриса,— отвечала я, усаживаясь рядом с ним.

— А сколько же ей лет? — спросил он, включая мотор.

— Да под восемьдесят уже.

— Ну и ну! — Он восхищенно покачал головой.— Могучая женщина! Как она все знает, как рассказывает!..

— Скажите,— полюбопытствовала я,— а откуда вы-то знаете Верцингеторикса?

— А это очень просто. Я готовлюсь вечерами к экзамену на истфак. Я ведь шофером временно... Так, чтоб у родителей на шее не сидеть.— Он раскрыл ветровое стекло, выбросил окурок и серьезно добавил: — История в человеке какие-то глубинные чувства вскрывает... Для меня вот она все время движется в двух направлениях: и вперед и назад. И чем дольше изучают ее люди, тем все больше нового узнают. И все благодаря новой технике открытий. Поэтому она неисчерпаема. Я ее, пожалуй, больше всего на свете люблю...

◀ Самая молодая трактористка совхоза «Прут» Евгения Батырь.

…В ту пору на меня этот эпизод произвел такое сильное впечатление, что я долго не могла избавиться от какого-то чувства пробела, какого-то душевного вакуума. Верцингеторикс постоянно приходил мне на ум, словно требуя своего места в моей памяти.

Уже не стало тетушки Елены Васильевны, раскрывшей мне незадолго до смерти многие страницы воспоминаний о своей юности (чего я долго не могла добиться от нее). Уже заглушилось острое чувство потери последней суриковской нити, а Верцингеторикс почему-то оставался на моей совести, и слово это постоянно само вдруг выскакивало, как случайный одиночный телефонный звонок. И однажды этот древний галл вошел в мою жизнь и занял свое место.

Это произошло в последнюю мою поездку в Париж. Я тогда жила на бульваре Пастер. Однажды, прогуливаясь, как обычно, перед сном, я дошла до конца бульвара и, свернув куда-то влево, вдруг увидела в тусклом свете фонаря табличку с названием улицы: «Верцингеторикс». Долго я шла по этой длинной пустынной улице, пока не дошла до ее перекрестка с улицей Алезиа. Два эти названия, тесно связанные в моей памяти с Еленой Васильевной, здесь, в Париже, неожиданно связались еще с одной женщиной, по имени Жюльета. Жюльета Форштрем.

В начале нашего столетия родичи ее, по происхождению шведы, открыли кондитерскую фабрику в Москве. Мать, француженка, воспитывала двух дочерей, родившихся в России, на французский лад, но где бы ни жила потом Жюльета, она всегда тосковала по родине.

В 1923 году отец мой Петр Петрович написал большой портрет Жюльеты. Ей тогда было около двадцати трех лет, и была она красивой девушкой с блестящими темными глазами, улыбчивым лицом и характером прямым и решительным. На портрете она изображена во весь рост, на ней широкая коричневая юбка и оранжевая кофточка. Вьющиеся каштановые волосы откинуты с высокого, чистого лба, и весь облик ее полон свежести и романтики.

Вот этот самый портрет уже семидесятилетняя Жюльета, теперь мадам Кюниссе-Карно, привезла ранней весной 1970 года в Москву в дар Третьяковской галерее. Ей, всю жизнь прожившей во Франции, вырастившей детей и внуков, потерявшей горячо любимого мужа, страстно захотелось еще раз попасть в Россию. Портрет работы Кончаловского, хранившийся у нее в Париже, на улице Вашингтона, и, по правде сказать, мало интересующий ее наследников, теперь дал возможность вновь, через полсотни лет, попасть в Москву, где она провела детство и юность и где училась.

Работники министерства встретили и приняли ее с большой благодарностью за подарок, и она, почти не узнавая Москвы, была счастлива увидеть ее новую, незнакомую и все же родную, сердцем зная, как трудно будет вновь расставаться с ней. Вот почему Жюльета так бурно обрадовалась, когда в Париже осенью этого же года я позвонила ей по телефону. Она тут же пригласила меня на завтрак.

Полдень в начале октября был теплый и солнечный, когда я, выйдя из метро на Елисейских полях, выбилась из гущи разношерстной публики и свернула на улицу Вашингтона. Я издали увидела фигурку Жюльеты, встречавшей меня возле своего дома. Она стояла без пальто, в комнатных туфлях, фартуке и махала мне рукой, встречая, призывая, радуясь. И я почувствовала, что́ для нее означала эта наша встреча.

Мы завтракали втроем: к досаде Жюльеты, присутствовал какой-то ее родственник из провинции, но он абсолютно не мешал нам вспоминать нашу юность и наших близких и родных, ушедших навсегда. Но когда Жюльета в порыве готовности доставить мне любое удовольствие спросила, что бы мне хотелось увидеть в этот приезд, я, недолго думая, ответила:

— Верцингеторикса.

Последовала долгая пауза удивления.

— А кто это? — робко спросила она, и я поняла, что, произнесенное по-русски, это имя ей незнакомо.

— Версенжетори́кс,— пояснила я ей уже по-французски.

— А-а! Так что же тебе нужно, улицу, что ли?

— Мне говорили, что где-то возле Дижона есть памятник Верцингеториксу. Он стоит на холме Монт-Оксуа, в местечке Алезиа.— И тут я рассказала Жюльете мою необычайную историю с Еленой Васильевной и шофером. Ей показалась она фантастичной и заманчивой, она мгновенно откликнулась на то, что все мои друзья-французы считали «блажью русской дамы». Может быть, я сама не меньше удивилась бы, если б какая-нибудь парижанка, приехав в Москву, попросила бы меня отвезти ее за Волгу в степь и показать ей курган языческого захоронения.

Но Жюльета отнеслась к моей просьбе внимательно, хоть смолоду привыкла к безразличному отношению французов к своему неудачливому древнему полководцу. На мой взгляд, это неуважение проявляется даже в серии «комиксов», которые выпускает издательство Дарго. В этих книжках в сатирическом жанре, со смешными рисунками описаны подвиги-приключения некоего галльского вождя Астерикса и его соратников — Асюрансетурикса, Обеликса и других «иксов». Книжки эти выходят ежемесячно под такими заголовками: «Астерикс-гладиатор», «Астерикс и Клеопатра», «Астерикс и готты» и т. д. А французские школьники издавна распевают вот такую галиматью:

> Господин директор школы,
> Мы знаем это наизусть:
> Верцингеторикс при Луи-Филиппе
> Одолел китайцев под Ронсево.

Если при этом учесть, что Ронсево — это место сражения с басками в Пиренеях, проигранного Карлом Великим в 8-м веке, то станет ясно, как мало уважают школьники свою древнюю историю. Словом, мне довольно трудно было убедить французских друзей в необходимости раскрыть эту печальную страницу истории и посетить раскопки на Монт-Оксуа. Одна лишь Жюльета пошла на этот подвиг, и мы сговорились поехать в следующее же воскресенье.

Поезд отходил с Лионского вокзала в семь часов утра. И не было шести, когда я вышла из дому на станцию метро «Пастер». Над Парижем висели тучи, накрапывал холодный дождь, к тому же поезд метро вдруг остановился в туннеле между двумя станциями на целых пятнадцать минут. Сидя в полупустом вагоне, я терзалась, представляя себе, что думает Жюльета, глядя на вокзальные часы, когда до отхода поезда осталось 10 минут, а меня все нет…

Потом мы мчались по перрону совсем в другую сторону, а контролер из будки кричал нам: «Куда вы? Мадам, направо, направо, у вас еще одна минута!..» И мы по его команде развернулись и помчались обратно и едва успели вскочить на подножку вагона, как поезд плавно отчалил от платформы. Тут мы плюхнулись на сиденье и, посмотрев друг на друга, расхохотались.

— Ну, тебе пришла эта фантазия в голову,— сквозь смех говорила Жюльета,— а я-то, в мои семьдесят! Куда? Зачем? Что меня вытащило из теплой постели на какой-то дурной памятник? Наверно, только любовь… к России.

И, пожалуй, в эту минуту не было для меня ничего дороже этого энергичного, загорелого, как у индианки, лица и этих живых, добрых глаз в сеточке мелких морщин.

По мере того как поезд удалялся от Парижа, погода менялась, и вскоре он мчался по залитым солнечным светом, живописным долинам Франции, пересеченным холмами, осенними рощами и синими речками. Принаряженная публика на станциях и пестрые вереницы автомобилей у шлагбаумов — все было праздничным и ликовало вместе с природой.

Через два с половиной часа мы вылезли на станции Лэ Лом, в департаменте Бургундии. Маленький городок у подножия холма Монт-Оксуа. Как же легко дышалось там после удушливой гари Парижа! Узенькие улицы, белые домики под черепицей, приветливые лица горожан. Это и была Алезия, столь часто повторяющаяся в записках Юлия Цезаря, написанных в те времена, когда каждая область Франции представляла собой отдельное племя Галлии, каждое со своей столицей.

Алезии — столице племени мандубиев, что по-древнегалльски означало «коноводы», пришлось стать последней точкой похода Цезаря и принять на себя всю трагедию поражения галлов. Верцингеторикс, знатный юноша из племени арвернов (теперь это Овернь), хотел объединить все эти племена — андов, туронов, пиктонов, лемо-

виков, арвернов, парисиев — с их столицей Лютецией (теперь это Париж) для того, чтобы противостоять нашествию римлян. Это была середина первого века до н. э., когда каждая осада города требовала гигантских укреплений стенами, башнями. Рубились могучие леса, возводились крепости, реки отводились во рвы и каналы. А люди дрались мечами, копьями, защищались тяжеленными латами, щитами и шлемами. И обильно заливались человеческой кровью все эти укрепления, и луга, и пашни. А через тысячи лет археологи откапывали пласты земли, перемешанной с конскими, человеческими костями и остатками доспехов. И сколько уходило труда на оборонные укрепления только для того, чтобы все это разрушить, сжечь и уничтожить тех, кто строил эти хитроумные сооружения!

Галльские племена жили в постоянных междоусобицах, и Верцингеторикс взял присягу с общин помогать друг другу. Он потребовал в кратчайший срок изготовить оружие и запастись провиантом на зиму. А Цезарь в это время шел победным маршем по Галлии, на пути своем уничтожая города, грабя «варваров», как он называл всех, кто не был римлянином, угоняя скот и пленных в рабство. Так он дошел до Алезии, где засело в крепости сто семьдесят тысяч человек. Цезарь укрепил свой лагерь стенами и рвами с двух сторон — и со стороны города и с внешней стороны, рассчитывая отрезать осажденных от войска Верцингеторикса в триста тысяч человек, преимущественно всадников. Верцингеторикс подошел к лагерю с тыла. И тут на засненных холмах Алезии произошла эта страшная битва. Цезарь так хитро и быстро провел свои стратегические маневры, что жители Алезии со стен своей крепости только и увидели, как римляне тащат в свой лагерь множество захваченных в битве трофеев — щитов, мечей, панцирей и военных палаток, обагренных кровью. И тогда Алезия сдалась.

По описанию Плутарха, Верцингеторикс надел свои лучшие одежды, украсил коня и объехал возвышение, на котором восседал победитель. Потом он сошел с коня, сложил свое оружие и сел на землю у ног Цезаря, опустив голову на колени.

Великолепно описал конец Верцингеторикса один из виднейших французских специалистов по романской эпохе, Жоэль де Галль. Цезарь отправил Верцингеторикса в Рим, где его заточили в тюрьму. Шесть лет просидел галльский вождь в заточении, пока Галлия не была полностью покорена. В Риме в честь победы была выстроена Триумфальная арка, под которой прошло победное шествие.

Цезарь в пурпурной одежде ехал на колеснице, запряженной квадригой коней. Перед ним гнали закованного в цепи Верцингеторикса и нескольких его соратников-полководцев. Кортеж начал шествие от Марсова поля самым длинным путем до Капитолия, мимо Зеленного рынка, мимо Мясного рынка, мимо Большого цирка, потом «священной дорогой» через Форум, откуда шел подъем к храму Юпитера на холме Капитолия. Всю лестницу до алтаря Юпитера Цезарь прополз на коленях, но Верцингеторикс этого уже не должен был видеть. Его с соратниками с Форума увели в Туллианум (одно название этой тюрьмы повергало всех в ужас). С Верцингеторикса сорвали одежду и бросили в черный люк, где в подвале ждали его палачи с веревкой в руках, и они задушили галльского вождя, как паршивого пса.

Французы не любят говорить об этой печальной странице истории Франции, они предпочитают говорить о своей романской культуре. Только в 1865 году по решению Наполеона III были начаты раскопки в Алезии, а на холме Монт-Оксуа возведен памятник Верцингеториксу работы скульптора Эме Милле...

И вот мы с Жюльетой стоим возле этого памятника. Вокруг — никого. Бронзовая статуя покрыта зеленоватой патиной. Галльский вождь, опершись на свой меч, в печальной, суровой задумчивости глядит вдаль на перелоги и холмы Бургундии. Говорят, Верцингеторикс был совсем другим, судя по его изображению на монете, найденной в раскопках. Говорят, что не было у него этих длинных, ниспадающих усов. Говорят, что сама скульптура невыразительна: нет в ней той огненной силы, что вела этого юношу на подвиги. Да мало ли что говорят! Я так долго ждала этого свидания с древним овернцем, что принимаю все: и его раздумье, и насупленные брови над крупным прямым носом, и длинные, конечно, светлые, волосы, падающие на плечи.

Его панцирь с бляхами был сделан по образцу доспехов, найденных в раскопках. В путеводителе, который мы купили в сторожке на месте раскопок, рассказывается о том, что мандубии были отличными кузнецами и литейщиками, если судить по остаткам оружия, найденного археологами и хранящегося в музеях.

Я смотрю на бронзовый плащ, ниспадающий с плеча Верцингеторикса тяжелыми складками, он придает неподвижность и массивность всей его фигуре. А в ней столько упорства, одиночества и тоски, что и не хочется думать, что он был каким-то другим. Ноги его, обутые в мягкую обувь и перевитые ремнями до колен, поверх широких шаровар, стоят твердо, и также твердо опираются на кованый меч обнаженные выше локтей его сильные руки...

Есть еще одна статуя в Клермон-Ферране, где Верцингеторикс изображен на вздыбленном коне. Меч — в размахе, на голове — шлем с крылышками, как у римлян и германцев. Под копытами коня — распростертое тело римлянина. Но этот образ, видимо, не совпадает с подлинной судьбой овернца, бесславно закончившего жизнь с петлей на шее.

Мы ходим вокруг памятника и читаем надпись на круглом постаменте: «Объединенная Галлия, собранная в единую Нацию, воодушевляемая единым сознанием, может бросить вызов Вселенной».

Смогла бы, если бы не было той раздробленности племен, которая видна до сих пор в сетке департаментов на карте Франции, похожей на лоскутное одеяло. Смогла бы, если б не Юлий Цезарь, слишком любивший свою славу полководца, и не его легионы, слишком любившие его самого. Он варварски уничтожал «варваров» и все, что создавалось ими.

Мы обошли все раскопки Алезии. Они ведутся до сих пор. Чего греха таить! Я не люблю бродить по этим площадкам, разбитым на квадраты и прямоугольники, выложенные древней кладкой и тщательно прикрытые щитами из пластмассовых листов. Они мне не говорят ничего. Серая, мертвая пыль и галька да таблицы с указанием: «Здесь был древнегалльский храм» или «Остатки галльского жилища». Куда больше дают воображению такие строчки из записей Цезаря: «Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно галлы думают, что бессмертных богов можно умилостивить не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни». Или такая запись: «Исключительной доблести наших солдат галлы противопоставляли разного рода маневры, так как вообще эта нация отличается большой смышленостью и чрезвычайной способностью перенимать и воспроизводить у себя все, чему учат другие...»

Когда мы с Жюльетой спускались в городок по длиннейшей лестнице, выложенной из шпал, мне стало жаль расставаться с бронзовым вождем галлов. Казалось, что сейчас ему станет еще более одиноко на его холме, хотелось вернуться и еще походить возле него, подышать свежестью бургундских долин. А где-то на холмах гремели выстрелы охотничьих ружей и лаяли псы...

Спустившись на станцию Лэ Лом, мы зашли в ресторанчик при гостинице и заказали типично бургундское меню: кнели из щуки и зайца, отменно приготовленного в красном вине. Розоватое вино, что нам подали к столу, было такое легкое и ароматное, какого я доселе не пробовала.

Насытившись и отдохнув, мы уселись на перроне в ожидании поезда в Париж. Солнце шло на запад и нежило нас последними лучами. Все вокруг дышало провинциальным благоденствием. Не многие пассажиры прогуливались по платформе, перекидываясь шутками. Какой-то модный студент в пальто до пят, с длинными, как у Верцингеторикса, волосами, гремя массивной цепью на груди, рылся в чемодане с книгами и, не находя нужной, досадливо хлопал себя по широченным карманам.

Подошел поезд, и мы вошли в полный пассажиров вагон. По счастью, в одном из купе оказалось два свободных места. Рядом со мной сидел довольно упитанный господин средних лет, оживленно рассказывавший соседям, что он больше не ездит на «уикэнды» машиной. Это и долго и опасно, проще оставлять машину где-нибудь в провинции.

— И дешевле и удобнее,— рассуждал он.— Приедешь, поохотишься, отдохнешь, позавтракаешь на природе — и в Париж!

Против него сидел худенький, рыжеватый, с женой и с ребенком на руках.

— Тогда уж лучше не машину иметь, а тещу,— вдруг заявил он.— Приедешь, она и напоит, и накормит, и спать уложит, и горючего ей не надо! — Все сидящие в купе рассмеялись.

Мы с Жюльетой заговорили меж собой по-русски, это сразу насторожило дородного. Поинтересовавшись, откуда мы, он приосанился:

— Ну что же, наш президент мосье Помпиду собирается посетить вашу страну, мадам. Только мое мнение таково, что из этого ничего нового не произойдет. Все как было, так и останется. Мы, французы, на пропаганду так легко не ловимся! Уверяю вас...

— Быстро же вы забыли «майские праздники» шестьдесят восьмого! — усмех-

нулся рыжий, покачивая на руках малыша. Но дородный не сдавался:

— А! Пустяки. Показали им хорошенько, этим идиотам, и все стало на место... Я вот только что вернулся из отпуска, ездил на машине в Италию. Вы думаете, там мало беспорядков? Не беспокойтесь, тоже бывает... Весь мир сейчас как на дрожжах...

— Никогда не была в Италии,— внезапно вступила в разговор дама в пунцовом пальто и в седом парике, быстро перебиравшая спицами.— Как, наверно, там красиво!

— О-о-о! Это великолепно, восхитительно! Я объездил все лучшие города. Какая архитектура! Какая мощь! Какая старина! Незабываемо!

И тут, словно в противовес моей настроенности, он воскликнул:

— Да! Подумать только, ведь вся культура, вся цивилизация пришла к нам с римлянами. Только когда побываешь в Италии, начинаешь понимать, сколько мы, французы, получили от них и как мы им обязаны! Ведь если б не Рим, мы бы долго еще в звериных шкурах ходили.

Мне страстно хотелось вступить в спор с этим типичным буржуа, но несовершенное знание языка останавливало меня. Зато молодой рыжий тут же отпарировал:

— Так уж вот и в шкурах! Не беспокойтесь, культура все равно пришла бы к нам, хотя бы с востока, из Византии, и неизвестно, что было бы лучше.

Тут Жюльета улыбнулась и шепнула мне:

— Чувствуешь? Настоящий галл!

— Я, знаете, истый католик! — вскипел дородный.— И считаю, что только католицизм может восстановить порядок в обществе.

Тут вошел контролер, спор мгновенно прекратился, все занялись разыскиванием билетов.

— Этот рыжий, видно, бургундец,— наклонилась ко мне Жюльета.— Он очень напоминает мне моего сына, тот так же не выносит романского влияния и всего, что связано с Юлием Цезарем. Настоящий галл.

К вечеру мы подъезжали к Парижу. Он уже весь опалово переливался огоньками, дрожавшими во влажном тумане, вытесняя вечерним гулом все дневные наслоения впечатлений от всего, что вне его — Парижа. Он снова засасывал вас своими властными щупальцами. Нам с Жюльетой еще не хотелось расставаться, и, выйдя на привокзальную площадь, мы зашли в большой бар и заказали по кружке пива.

— А ты все еще, я вижу, возле памятника Верцингеториксу? — улыбнулась Жюльета на мою рассеянность.

Я подняла свою кружку:

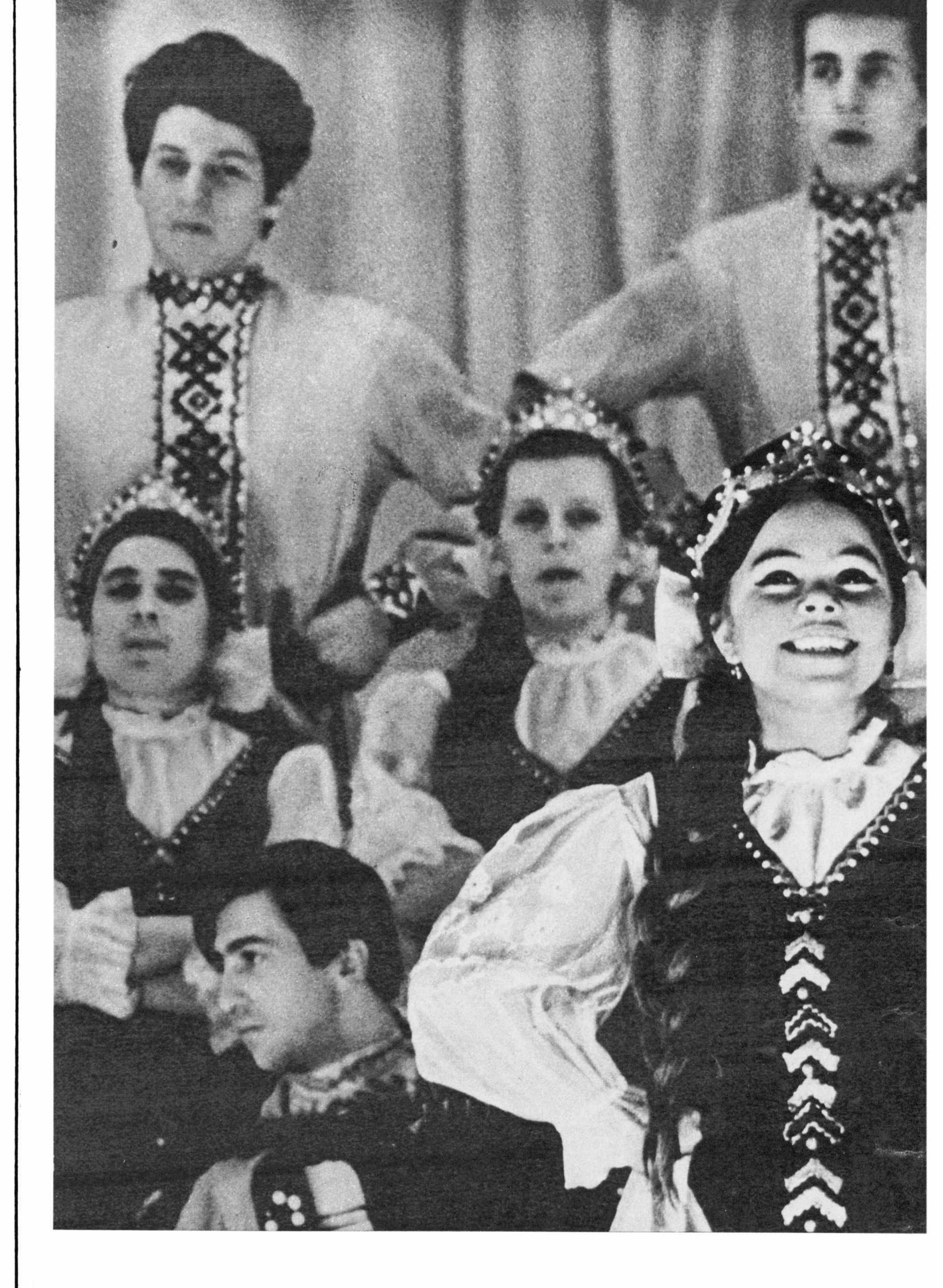
— Я хочу выпить, Жюльета, за твоего сына, за молодого галла!

— А я — за московского шофера! — ответила Жюльета, и все лицо ее осветилось нежной улыбкой, и в сеточке морщин засияли добрые темные глаза...

Здесь надо было бы поставить точку, рассказ окончен, но я не могу удержаться, чтобы не процитировать строки из письма Фета к Тургеневу, которые я прочла в рассказе Пахомова «Неизвестные страницы», недавно опубликованном в журнале «Огонек». Эти строчки, написанные в 1858 году, то есть за восемь лет до открытия памятника Верцингеториксу, потрясли меня. Вот они: «Боткину я послал 2 стихотворения и трепещу. Потому что во втором разругал древний Рим, т. е. римлян. Какие бессердечные, жестокие, необразованные мучители тогдашнего мира — что ни эпизод, то гадость. Самая virtus (доблесть) их такая казарменная, их любовь к отечеству такая узкая. Сципионы, Катоны при молодцеватости ужасные звери, а первый даже замотавший казенные деньги губернатор. Грубые обжоры, а между тем несчастный Югурта пропадает как собака, великий, величайший Аннибал гибнет. Иерусалим горит, Греция, куда они сами ездят учиться, растоптана, а они со всех концов света бичами и палками сгоняют золото и мраморы для нелепых подражаний грекам...»

Да! Пожалуй, Афанасий Афанасьевич был прав!

Париж — Москва, 1970.

Ю. ЛУШИН

Фото автора.

НАШ ДВОРЕЦ

Они собирались чуть ли не тайно, как заговорщики. Собирались в подвале, подальше от любопытных глаз, и начинали яростно набрасывать штукатурку на специальные стенды, чтобы затем тут же соскоблить ее и снова начать штукатурить,— так бессчетное количество раз в течение трех месяцев. Только тогда у них стало что-то получаться, только тогда хмурый прораб впервые расцвел улыбкой, а они решились «выйти в люди». Когда же покрыли

Новая песня в новом дворце.

Вчерашние строители — сегодняшние зрители.

На своей сцене летать хочется...

декоративной штукатуркой первую колонну будущего дворца, все бросились обнимать Михаила Рябова. Это он да еще Надя Калашникова, услыхав, что где-то в Вильнюсе живет несравненный мастер-штукатур, поехали туда, разыскали старика и, выведав его секреты, вернулись домой. Дело пошло совсем весело. Выбитые со своих позиций, скептики превращались в энтузиастов. Теперь они не бурчали: «Мы же не строители. Разве мы можем поднять такой дворец?»

Теперь они вместе со всеми носили кирпич, строгали доски, бетонировали полы. Каждый рабочий завода имени Чкалова обязался отработать на строительстве два дня, каждый знал, что строит свой дворец, для себя, и каждый видел, как неуклонно тянулись вверх под их руками белоснежные стены. Веселые заводские бригады не давали прорабу вздохнуть.

— Эй, ваталинка (ваталинка — значит милый),— задирали его девчонки,— давай нам работу! У нас еще два часа до репетиции...

Прораб радовался — значит, на стройку в полном составе явился знаменитый ансамбль «Ваталинка». Конечно, он найдет им работу. Вот, пожалуйста, тут будет балетный класс, трудитесь. Вам же в нем потом и танцевать.

Плечистые парни интересовались: спортивный зал в проекте предусмотрен? «А как же,— отвечал он,— вы в нем и находитесь».

Они работали и пытались представить себе день открытия дворца. Каждый рабочий называл его «наш дворец». Это было верно, потому что каждый внес в него долю своего труда. Все было сделано здесь их собственными руками. Дверные ручки и сами двери, перила, решетки, столы, кресла, полы, великолепная декоративная штукатурка, стены и колонны, мерцающая в одном зале влажным антрацитовым блеском и слепящая белизной снега — в другом декоративная перфорированная плитка, которой облицевали потолки (раньше такая плитка покупалась за рубежом, а они разработали и изготовили ее сами на своем заводе). Разумеется, нельзя было не гордиться таким чудом. Наконец день, которого все ждали с таким нетерпением, пришел — день открытия Дворца культуры завода имени Чкалова. Приветливо распахнулись его двери, и фойе, комнаты для занятий кружков наполнились веселым оживлением. В балетном зале, сверкающем зеркалами, проводил последнюю репетицию ансамбль «Ваталинка». Вчерашние строители кружились в лихом танце, хор разучивал новую песню художественного руководителя ансамбля Владимира Сигалова «Почерк Чкалова», а внизу, в зрительном зале, их давно уже ждали тоже вчерашние строители, которые стали теперь зрителями. Сидел тут прораб и слегка волновался, узнают ли его девчонки из «Ваталинки», которые просили у него работу и подшучивали когда-то над ним. Они узнали его, и он в ответ тоже улыбнулся, а потом хлопал в восторге до боли в ладонях. И девчонки снова выходили на сцену, и отплясывали, и пели так, будто не было у них усталости после трудового дня. Потом выступали гости — лучшие коллективы художественной самодеятельности Новосибирска, участвовавшие в празднике народных талантов,— в великолепном народном Дворце культуры. Снова зал взрывался аплодисментами. А парень, что сидел рядом с прорабом, наклонился к нему и тихо сказал:

— А знаешь, пол на сцене ведь я настилал...

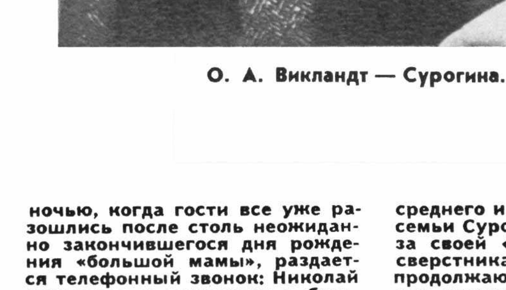
«Может быть,— подумал прораб.— Всех не упомнишь. Строил-то весь завод». Он вышел на улицу. В густой синеве плыл за ним сверкающий корабль дворца...

Новосибирск.

Первая репетиция в балетном зале.

БОЛЬШАЯ МАМА

О. А. Викландт — Сурогина.
Фото В. Петрусовой

Н. ЛЕЙКИН

— Ах, Евгения Дмитриевна, что же вы сделали! Как же так получилось, Евгения Дмитриевна? К вам на день рождения пришли гости — дети, внуки, самые близкие друзья. Пришли, чтобы еще и еще раз выразить свою любовь и уважение к вам, «большой маме», как они ласково называют вас... Шел разговор за праздничным столом. И вдруг вы выгнали из дома зятя, талантливого, заслуженного архитектора... Ну, пусть не вдруг, вы поспорили с ним. Но зачем же так резко и непримиримо реагировать на его заблуждения и ошибочные высказывания? И было бы из-за чего...

Если бы мы обратились с такими словами к героине пьесы Георгия Мдивани «Большая мама» — старой большевичке, главе большой трудовой семьи Сурогиных, то Евгения Дмитриевна наверняка ответила бы нам горячо и убежденно:

— То есть как это «из-за чего»?! Ведь Николай замахнулся на самое святое! Он называет себя коммунистом, а что проповедует, к чему призывает? К духовной успокоенности, сытому равнодушию... Он считает, что романтика двадцатых годов для современной молодежи не больше, чем красивая легенда, что необходимая полвека тому назад революционная идея — сегодня бессмыслица и анахронизм. Поймите, не только лично меня обидел Николай. Ведь наша идея не сапоги и не гимнастерка, в которых я молоденькой девушкой с наганом на боку дралась за власть Советов. Наша идея — это не мода! А вы говорите, «из-за чего»...

Да, так или примерно так объяснила бы нам Сурогина свой поступок, который сразу как бы взрывает плавно текущее поначалу действие нового спектакля Московского театра имени А. С. Пушкина.

«Семейная драма» — так обозначил драматург жанр «Большой мамы». И с точки зрения внешних рамок сюжета это точно. Однако внутреннее содержание конфликта, его идейное наполнение, его нравственная масштабность выводят эту семейную драму на передовые рубежи современной идеологической борьбы.

Взгляды и настроения Николая, разделяемые его женой Раисой,— это, по слову Горького, «кочка зрения» доморощенных мещан, как сердито называет их дочь Катя, студентка, комсомолка, целиком принимающая сторону бабушки. Они, эти мещане, не хотят замечать, понимать всей серьезности и остроты идеологического противостояния двух миров.

Взгляды же и убеждения Сурогиной, ее прекрасный нравственный максимализм — это мировоззрение настоящего коммуниста, человека, чувствующего себя ответственным за все происходящее вокруг, не желающего прятаться, уходить от этой благородной ответственности, не желающего просто отдыха и покоя в уютном комфорте модерновых бытовых удобств и маленьких человеческих радостей...

Вот вам и семейная драма... А впрочем, что тут удивительного? Семья, как известно,— ячейка государства. И нравственное здоровье советской семьи, ее духовные, идейные устои — проблема государственная. Именно с этих позиций написана пьеса Георгия Мдивани. Именно с этих позиций темпераментно и реалистически строго поставлена она главным режиссером Театра имени А. С. Пушкина Борисом Толмазовым. Отсюда открытая, страстная публицистичность спектакля, его социальная значимость, оправданное в пределах жанра и убедительно достигаемое театром стремление к тому, чтобы его герои порой вели рассказ не только о себе, но и о времени.

...А события в семье Сурогиных разворачиваются все напряженнее, все круче. Поздней ночью, когда гости все уже разошлись после столь неожиданно закончившегося дня рождения «большой мамы», раздается телефонный звонок: Николай стрелялся и находится в больнице...

Почему? Осознал свою неправоту и стало стыдно? Не мог пережить свою вину и смалодушничал? Как бы там ни было — это еще одно его отступление, непростительная человеческая слабость. Для коммуниста же вдвойне, втройне непростительная. А может быть, все-таки Евгения Дмитриевна переборщила, довела, как говорится, человека до ручки?..

Все эти вопросы поставлены самой жизнью, воспроизводимой перед нами на сцене. От них никуда не уйти. И мы, зрители, активно вовлеченные в переживания героев спектакля, с живым интересом и волнением ждем, как они ответят на эти вопросы. Тем более, что тут неизбежно и правомерно возникает тема взаимоотношений отцов и детей, смены и преемственности поколений.

Для творчества Георгия Мдивани тема эта не нова. Мудро, тонко, глубоко по-партийному он поднимал и решал ее в пьесе «Твой дядя Миша». В «Большой маме» мы снова становимся свидетелями и участниками правдивого, психологически точного и отнюдь не прямолинейного истолкования драматургом и театром этой естественной, как сама жизнь, темы.

«Твои родители из тех самых, которые что-то уже безнадежно потеряли... а думают, что все уже нашли! — обращается Сурогина к внучке.— А мы с тобой, Катенька... ей-богу же, иной раз кажется, что мы с тобой почти однолетки... Будто за одной партой мы с тобой сидим...» И это не просто слова. Они подтверждаются всем ходом действий, всей логикой мыслей, чувств, поступков Евгении Дмитриевны, боевых друзей ее юности. Именно «с них делают свою жизнь» и представители среднего и младшего поколений семьи Сурогиных, идущие вслед за своей «большой мамой», ее сверстниками и соратниками, продолжающие сегодня их великое революционное дело. Недаром милая, непосредственная Катя (В. Алентова) и влюбленный в нее студент Игорь (Ю. Николаев) все самые жгучие, самые животрепещущие свои личные и общественные заботы решают в первую очередь с бабушкой. Недаром другой внук Евгении Дмитриевны, молодой ученый Валерий (В. Буров), говорит ей: «...Вся семья Сурогиных, все мы без твоей строгости распустились бы окончательно... Сошли бы с пути истинного...» Вроде бы шутит Валерий, и сама Евгения Дмитриевна смеется в ответ на это. Но в признании внука заключен большой обобщающий смысл.

Ну, а Николай (В. Успенский) и Раиса (М. Кузнецова) — всего лишь исключение из правила. И они вовсе не потеряны. Заблуждаются, утратили истинные жизненные ориентиры, оступились. Но Евгения Дмитриевна и в отношениях с ними останется «большой мамой». Ее принципиальность, ее пламенное, любящее сердце, ее мудрость скажутся не только в гневной отповеди дочери и зятю, но и в решимости помочь им, бороться за них, а следовательно, за свои, за наши общие немеркнущие идеалы.

С крупной, самобытной личностью познакомила нас О. Викландт. Раскрывая нравственное богатство, чистоту и человеческую значительность своей славной героини, актриса создает яркий, привлекательный образ верной дочери Коммунистической партии.

Достоверная картина современной жизни, в которой сквозь конкретные человеческие судьбы и характеры зримо проступают общие закономерности и проблемы, воплощена на сцене Театра имени А. С. Пушкина с подлинной гражданской заинтересованностью и зрелостью.

ЖУРАВЛИ И МАРК БЕРНЕС...

Летят под облаками журавли. А туда, где видишь пустующее место в стае, придет человеческая душа, душа поэта и песенника, каким был Марк Бернес. Так утверждают песня о Бернесе, фильм о Бернесе...

Друзья и ученики — все, кто ценил добрый творческий дар, светлый песенный талант Марка Бернеса, сделали этот фильм, исполненный уважения и любви к памяти прекрасного киноартиста.

Фильм, поставленный режиссером Л. Станукинас по сценарию Р. Выгодского, напоминает о многих ролях, сыгранных Бернесом.

Использованы в киноленте и сравнительно недавние концертные кадры; Бернес поет, видно, уже больной, но никогда не отказывавшийся от выступлений, чтобы не огорчать любившую его зрительскую, слушательскую аудиторию... Бернес оставался на творческом посту даже в ту пору, когда исход его болезни уже не оставлял сомнений...

Народность, лиричность, душевность — эти качества натуры артиста были и качествами его таланта, и они-то и делали исполнение Бернеса таким обаятельным.

Смотришь грустный, но, повторяю, светлый и добрый фильм и думаешь, что он будет нужен людям. Так же, как был нужен людям незабываемый, светлый и добрый талант Марка Бернеса...

Н. ТОЛЧЕНОВА

ПУБЛИЦИСТИКА: ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Вл. НЕМЦОВ

СЧАСТЬЕ — В ДОБРЫХ ДЕЛАХ

Когда читаешь Директивы XXIV съезда партии, восхищаешься «громадьем наших планов», мысль твоя задерживается на строках, где речь идет о кадрах, о тех, кому свершать великие дела строительства коммунизма. Успех свершений во многом зависит от того, как мы сумеем воспитать наших наследников, как сумеем приобщить их к труду. И каждый раз, задумываясь о путях приобщения молодежи к труду, вспоминаешь слова Ф. Энгельса: «Труд — источник всякого богатства, утверждают политико-экономы. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека».

Перед нашим обществом стоит еще более сложная задача. Как говорил в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев, «на одном из первых мест в идеологической работе, которую проводит партия, стоит **воспитание в советских людях нового, коммунистического отношения к труду».** Это прежде всего касается молодежи, Л. И. Брежнев подчеркивал, что «партия уделяла и будет уделять большое внимание ее проблемам, заботам, интересам. Молодые люди в возрасте до 30 лет составляют более половины населения нашей страны».

Вполне понятно, что приучать молодежь к труду надо с самых ранних лет. Процесс этот сложный. И есть тут немало ухабов. Находятся родители, которые внушают своим детям, что их дело — только учиться, и освобождают ребят даже от посильной помощи в домашнем хозяйстве. Иногда и мама и бабушка ограждают взрослую дочь от «грязной» работы, суля впереди работу «чистую». И тем самым прививают ей презрение к труду вообще.

Вспоминается забавный эпизод. Я путешествовал по Оке и верхней Волге. Этот путь на теплоходе часто называют «кругосветкой». Судно пристало к дебаркадеру небольшого городка. Я сошел на берег и, гуляя по одной из улиц, услышал за высоким забором звонкие ребячьи голоса. Наверное, детсад. Так оно и оказалось. Ребята бегали с лейками и поливали цветы. Это им казалось не только увлекательной игрой. Они ощущали и свою полезность. Но одна девочка решила использовать лейку отнюдь не по назначению. Подружка обиделась, что Лена «пьет воду из леечки». И тут я услыхал замечание молодой воспитательницы:

— Ужасный человек эта Лена Грибова! Никак нельзя поручить ей ответственного задания.

Сказано это было вполне серьезно, без тени иронии. «Ужасный человек» залилась горькими слезами. Обидно! Мне это запомнилось. Может быть, вот так и надо — с раннего детства прививать ребенку отношение к труду с полной долей ответственности за него. Смотри, все люди работают — и взрослые и маленькие. Пойми, что это необходимо, если хочешь быть космонавтом, моряком, машинистом, разведчиком.

Можно перечислить все профессии, овеянные детской романтикой. И при умелом, терпеливом, вдумчивом воспитании труд как обязанность превратится у ребенка в потребность.

Я написал эти строки и внутренне содрогнулся. Бог ты мой, как обозлятся на меня ослепленные гипертрофированной любовью к своему чаду мамаши, как будут честить меня на все лады: «Вот он, изверг рода человеческого, хочет отнять у ребенка золотое детство. Хватит с нас того, что многие родители совсем не видели этого детства. Дайте детям нашим пожить хорошо». Таков лейтмотив некоторых писем в ответ на мои выступления. Бывает, что не только мамы, но и папы возмущаются: «Какое вам дело до моих детей? Своих родите, тогда и воспитывайте. Пусть мой ребенок живет беззаботно!»

А кто же не хочет счастья ребенку! Только у подавляющего большинства советских людей понятие о счастье совсем иное. Мы не хотим воспитывать тунеядцев. А первые приметы тунеядства обнаруживаются порой уже в детстве, при явном попустительстве родителей.

...На школьном дворе после уроков решили устроить субботник, подсадить несколько молодых деревьев и кустарников. Старшеклассники вырыли ямки, закрепили в них саженцы, оставалось только полить. Эту обязанность взяли на себя восьмиклассницы — так я примерно определил их возраст. Ребята ушли на другой участок школьного двора рыть ямки, а девчата начали спорить и переругиваться, кому поливать. Леек было достаточно — не то что тогда в детсаду,— а вот желающих взять их в руки явно не хватало.

То одна, то другая брезгливо бралась двумя пальцами за ручку лейки и тут же отпускала. Девочка лет пятнадцати отбросила лейку, вынула из сумочки зеркальце и губную помаду и занялась косметикой. Кто ей вбил в голову, что держать лейку позорно, а пользоваться губным карандашом в таком возрасте достойно? Кто этих девочек научил презирать труд? Конечно же, не детский сад и не школа. Надо полагать, что такое воспитание они получили в семье. В мещанской, обывательской семье.

Или другой пример. Далеко не всем родителям нравится, что их обожаемый кумир—пятиклассник, еще не отвыкший от игрушек для младшего возраста, или девочка, не расстающаяся с куклой,— иной раз приходит домой пыльный, грязный, с исцарапанными руками. Мама в ужасе. Учиняется допрос с пристрастием. Глядя на наследника, и папа хмурится: «Дрался, наверное?»

А паренек горд. Сегодня он приобщился к коллективному труду. Может быть, это слишком громко сказано, если иметь в виду сбор металлолома, из которого на заводе сделают трактор или автобус, чтобы возить ребят на экскурсии. Глазенки горят от восторга. Его родная школа опередила по сбору металлолома всех в своем районе!

У девчонки тоже радость. Вместе с подружками собирала макулатуру. Девочек радушно принимали во многих квартирах. Отдавали старые газеты, журналы, просили зайти на другой день, чтобы подготовить ненужный хлам.

У меня лично эти «мероприятия» не вызывают особого восторга. И вот почему. Сбор металла и бумаги требует хорошей организации, чтобы детский труд не пропадал даром. К сожалению, на практике встречаются случаи, когда собранный с таким трудом металлолом — старые кастрюли, ведра, отслужившие свой век подносы и более весомые металлические изделия — месяцами валяется на школьном дворе из-за наплевательского отношения взрослых дядей к ребячьему энтузиазму. Срывается большое и полезное дело не только народнохозяйственного значения, но и воспитательного.

Помню, как-то давно ко мне пришли ребята за макулатурой. Я попросил их прийти на другой день: некогда было разбирать груды старых газет и журналов. Но ребята не пришли ни на другой день, ни через неделю, ни через месяц. Выяснилось, что организация, которая ведает сбором макулатуры, несмотря на настойчивые требования школы, не смогла у них забрать это ценное вторичное сырье. Ссылались на трудности с транспортом, ссылались до тех пор, пока пожарники не запретили держать в сарае огнеопасный материал. Куда эта бумага делась, я не знаю. Может быть, ее сожгли или вывезли на свалку, но с тех пор школьники уже больше не приходили ко мне за бумагой. А ведь ребята думали, что на этой бумаге будут напечатаны хорошие детские книги, учебники, игры...

В газетах иногда указываются точные адреса подобной бесхозяйственности, но редко называются виновники пофамильно. А надо бы за недополученные какие-то сотни килограммов бумаги, собранной ребячьими руками, взыскивать. Еще и потому, что нельзя обманывать ребят! Детские впечатления стойки. Они не забываются и во многом определяют дальнейший жизненный путь.

«...Трудовая забота — это не просто дорога к средствам существования, это еще и этика...» — писал выдающийся педагог А. С. Макаренко. Такая забота в полной мере способна проявиться в пионерлагерях, в ученических производственных бригадах, лагерях труда, разновозрастных отрядах. Комсомол организовал школьные, для подростков, строительные отряды. Часика четыре поработай, а потом отдыхай, занимайся чем хочешь,— футбол, баскетбол, легкая атлетика, учись музыке, читай стихи, участвуй в самодеятельных спектаклях, ансамблях песни и пляски...

Подросток становится членом производственного коллектива и полностью содержит сам себя. Он не чувствует себя иждивенцем или живущим в долг. И, что хочется особенно подчеркнуть,— это же один из элементов завтрашнего коммунистического быта. В таких ячейках нового быта, вроде строительных отрядов, подросток получает все по разумной потребности, что не всегда можно встретить в семье.

Я знаю некоторых родителей обывательского толка. Они ни за что не согласятся отпустить своего мальчика, которому уже получил паспорт, на каникулы в строительный отряд или в летний мо-

Э. Калныньш. ШТОРМ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ.

X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Т. Яблонская. ЖИЗНЬ ИДЕТ. X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

лодежный лагерь, где собирают дары леса. Между тем есть ли на свете более увлекательное занятие, чем бескровная «охота» за грибами в лесу или в тайге за облепихой, лимонником и многими другими ценными ягодами! И все это в сочетании с облагораживающим и целебным влиянием природы, которая делает человека здоровее, воспитывает в нем самые добрые чувства и учит понимать прекрасное.

Ребята рвутся в такие лагеря, но в иных семьях, где властвует система антиобщественного, эгоистического воспитания, родители будут таскать подростка по курортам или сунут ему в карман несколько сотен рублей и пошлют одного развлекаться на юг. Могут послать и пятнадцатилетних девочек — в печати сообщалось, как трагически закончилась одна такая эскапада.

Никогда бы я не стал призывать подростков к неповиновению родителям! Но тут, когда речь идет о стремлении сына или дочери провести каникулы в сочетании труда с отдыхом, рекомендовал бы попытаться урезонить родителей. А то получится, как в одной знакомой мне благополучной интеллигентной семье: пятнадцатилетний парень забился в угол комнаты и, вытирая кулаком слезы, скулил: «Скучно, скучно». А я подумал: не виноваты ли в этом папа и мама, ни в чем не отказывающие своему чаду?

В наш век трудно представить подростка, который не интересовался бы техникой. В домах пионеров, в клубах, школах работают технические кружки. Встречал я и школьные конструкторские бюро. Руководитель одного из таких бюро затеял техническую игру, требующую от ребят незаурядной смекалки и самоотверженности для реализации своих конструкций. В школьном КБ увлеченно трудились мальчишки и девчонки примерно от 12 лет. Перед ними ставились для начала несложные задачи, например, сконструировать перфорированную картотеку, чтобы с ее помощью легче всего подобрать нужные книги по той или иной тематике. Для сравнительно небольшой школьной библиотеки такая простая конструкция вполне подойдет. Ребята придумывали всякие хитроумные бытовые мелочи, но основной их специальностью были электромеханические детские игрушки. Каждая такая модель демонстрировалась в соседнем детском саду. Там был плавательный бассейн — «лягушатник». Какая же это была радость для маленьких и больших—если большими считать 12—15-летних конструкторов,— когда они испытывали на воде модели электроходов, торпедных катеров, подводных лодок! Многие модели переходили потом в собственность детсада.

Мне запомнились соревнования юных ракетомоделистов. Сколько азарта, радостей, тревог, восторга и, наконец, преклонения перед талантом победителей!

Многие школьники участвуют в международных соревнованиях в так называемой «охоте на лис» — увлекательном виде спорта, в котором сочетаются и техника и физкультура.

Нет нужды перечислять всевозможные виды увлекательных занятий ребят, соревнований, конкурсов, в ходе которых у мальчиков и девочек воспитывается любовь к труду, к технике. Но, к сожалению, во многих семьях подростки пресыщены комфортом домашней техники: родители им дарят радиолы, новейшие модели транзисторных приемников, портативных магнитофонов, с которыми ленивый обладатель этой чудо-техники бродит по скверам и паркам, будит лесную тишину... Такому баловню неведомы ни схемы, ни конструктивные особенности аппаратов, наверняка уж неведома радость открытия, проникновения во что-то новое, неизвестное.

При малейшей неисправности аппарата он тащит забавную игрушку в мастерскую. Найти самому неисправность он считает ниже своего достоинства. Он не какой-нибудь там монтер! Не пристало ему возиться с паяльником! И приемники и магнитофоны его интересуют лишь потому, что можно наслаждаться дикими взвизгами так называемой поп-музыки. Ведь это так модно!

...В семье воспитывались два мальчика. Один с характером потребителя, техника нужна была ему для развлечения (портативный магнитофон, кинокамера) или же для удобств в повседневной жизни (холодильник, пылесос, кухонный комбайн). А другого брата, младшего, в семье прозвали «монтером». Двенадцатилетний паренек, он следил не только за бытовой техникой, но и мог наладить телевизор, починить магнитофон, привести в порядок все электрохозяйство в квартире, починить выключатели, сменить розетки, исправить проводку. Не говоря уж о смене перегоревших пробок, к которым старший брат боялся подойти, а ведь он мечтает стать инженером.

В семье сначала посмеивались над «монтером», но потом убедились, что увлечение мальчика заметно влияет на семейный бюджет. Не нужно вызывать по каждому поводу монтера из домоуправления, которого ждешь не дождешься, тратишь нервы, время и деньги. Здесь редким гостем стал мастер из телеателье. Домашний «монтер» следит за правильной эксплуатацией телевизора, и заменить испорченную лампу ему нетрудно, так же как и электрощетки в пылесосе... Все это с увлечением, с радостью сознания своей полезности. И соседи на мальчика не нарадуются: им «монтер» тоже никогда не отказывает в помощи. Конечно, бесплатной. Мама боялась, что подобное увлечение повлияет на школьные отметки: мальчик станет плохо учиться. Напрасные опасения! По всем любимым предметам «монтер» приносил только пятерки.

Так поначалу любовь к конкретному делу, что проявилась с детства, определила и будущую профессию. «Монтер» станет настоящим инженером. Он уже подготовлен к этому в отличие от старшего брата.

Невозможно переоценить значение трудовых навыков, технической смекалки в жизни ребенка. Они определяют не только склонность к той или иной будущей профессии, воспитывают пытливость ума, настойчивость в достижении цели, они полезны окружающим.

Ленинградские комсомольцы организовали летние спортивно-трудовые лагеря для подростков. По телевидению нам показывали романтически-приподнятый быт этих когда-то «трудных» ребят. Есть в Ленинграде и клуб для подростков «РВС» — «Ребята Выборгской стороны». В нем сотни юношей и девушек занимаются спортом, работают в технических кружках. Есть в Ленинграде молодежные военно-патриотические клубы со звучными названиями «Мужество», «Невские орлята», «Юный моряк», «Юный армеец». Есть клубы подростков, связанных общими интересами: для них по вечерам открыты многие школьные здания, красные уголки жэков.

Юности свойственно стремление к романтике. Юность мечтает о романтических профессиях, в основе которых суровая борьба, будь то битва с разбушевавшейся стихией или спасение человека в одном случае от тяжелой болезни, в другом — от руки опасного преступника. Кто поможет здесь юноше, «обдумывающему житье»? Кто убережет его от того, чтобы он не свернул на кривую дорожку, кто увлечет его счастьем добрых дел? Думается мне, что труд человека, посвятившего себя этому, тоже романтика. О, как благодарны ему юноши и девушки, как высоко ценят ребята «дядей», и «теть», и даже своих сверстников, которые могут увлечь разношерстный дворовый коллектив, спаять его дружбой и стать для него непререкаемым кумиром! Такому вожаку лестно и приятно подчиняться. Его труд поистине творческий, радостный.

АМЕРИКА, КАК ОНА ЕСТЬ

УБИЙСТВО НА 159-Й УЛИЦЕ

Генрих БОРОВИК

21 мая одна из патрульных полицейских автомашин с двумя полицейскими была послана в район 159-й улицы и восьмой авеню в Гарлеме. Оттуда звонили и просили оказать помощь больному (нью-йоркские полицейские иногда оказывают первую медицинскую помощь, когда больной не имеет средств вызвать врача). Двое полицейских возвращались к своей машине, когда по ним был открыт огонь. Оба патрулмена — белый и негр — получили смертельные ранения. Когда их доставили в госпиталь, они были мертвы.

За два дня до этого убийства двое других нью-йоркских полицейских были тяжело ранены выстрелами из проезжавшей мимо них машины.

За пять месяцев нынешнего года 32 нью-йоркских полицейских были ранены или убиты при исполнении служебных обязанностей. За весь прошлый год такая участь постигла 45 полицейских.

Последнее убийство двух полицейских в Гарлеме поставило на ноги практически всю нью-йоркскую полицию. Тысячи «копов» — в форме и в штатском—брошены на поиски убийц. Уже давно «копы» ведут себя в Нью-Йорке как в осажденном городе. Не ходят в одиночку. Уже несколько лет предпочитают стоять на освещенных перекрестках группами. Раньше считалось, что самый безопасный (для полиции) способ патрулирования — это езда вдвоем в полицейской машине, снабженной радиоустановкой. В эти дни многие полицейские автомашины сопровождаются сзади другой автомашиной, без полицейских опознавательных знаков с «копами» в штатском.

Если в эти дни в полицейском участке раздается телефонный звонок и жертва грабежа или несчастного случая взывает о помощи, далеко не всегда туда отправляется полицейская машина. А если и отправляется, то вначале на место происшествия посылается машина без опознавательных знаков и только потом, после разведки, туда идет полицейская машина.

Опубликовано заявление председателя ассоциации полицейской взаимопомощи о том, что полиция готова начать военные действия

против своих врагов, что теперь каждый «коп», кроме положенного по закону оружия, будет иметь при себе еще и карабин и что вначале «копы» будут стрелять, а уж потом «задавать вопросы».

Война. Война, которую не объявляла, но явно ведет вот уже несколько лет полиция против негров и пуэрториканцев в Нью-Йорке. Теперь она становится войной официальной, и власти пытаются установить в городе «ружейную законность».

Эта «ружейная законность» совершенно определенно направлена против негров, пуэрториканцев, бедняцкого населения Гарлема и прогрессивных организаций, борющихся за гражданские права.

В день убийства полицейских в редакцию газеты «Нью-Йорк таймс» был доставлен неизвестными людьми пакет, в котором оказался винтовочный патрон, номер автомашины и записка. Патрон соответствовал тому калибру оружия, из которого были ранены накануне двое других полицейских, номер был снят с автомашины, из которой по ним стреляли, а в записке говорилось следующее: «Вооруженные наемники расистского правительства Америки будут встречать вооруженное сопротивление угнетенных третьего мира (людьми третьего мира называют себя некоторые активисты негритянского и пуэрториканского движения.— Г. Б.) до тех пор, пока будет продолжаться оккупация наших кварталов, будет продолжаться убийство наших братьев и сестер. Мы революционная справедливость. Вся власть народу!»

Я пишу эту корреспонденцию утром 25 мая. Еще не пойманы убийцы полицейских. Еще никто не знает, кем написана записка и кем послан пакет в редакцию «Нью-Йорк таймс». Но если бы кто-то захотел организовать провокацию против движения нью-йоркских негров и пуэрториканцев за свои демократические и социальные права, то более удачную провокацию трудно себе представить.

«Вся власть народу». Этим лозунгом сейчас в Америке пользуются и члены партии «Черные пантеры», и члены организации «Молодые лорды», и некоторые другие. Охотников обвинить именно эти прогрессивные организации в уличном терроре против полиции и на этом основании начать их преследование и уничтожение в Нью-Йорке и в США хоть отбавляй. История многих расправ над демократами, студентами не оставляет сомнений, что в полиции и в ФБР существуют настоящие мастера провокаций.

Итак, война объявлена. Как будут развиваться дальше события, трудно сказать. «Война объявлена»,— пишет один нью-йоркский обозреватель. Он только, видимо, запамятовал, этот обозреватель, что война ведется давно. Пусть он вспомнит десятки заключенных — негров, пуэрториканцев, мексиканцев, белых,— которые при странных обстоятельствах погибали в нью-йоркских тюрьмах. «Покончил жизнь самоубийством»,— отмечали в таких случаях лаконичные полицейские протоколы. Сколько людей было убито на улице! «Убит при попытке оказать сопротивление». Сколько тысяч людей было избито и арестовано при попытках оказать сопротивление правительственной политике во Вьетнаме!

Не знаю, кто убил двух полицейских на гарлемской улице 21 мая: провокаторы или наркоманы, доведенные до отчаяния, потерявшие контроль над собой жители гетто. Но знаю, что оба этих полицейских являются жертвой многих других обстоятельств, над которыми не властны ни убийцы, ни убитые. И чтобы сказать об этих обстоятельствах, я заимствую слова из американской буржуазной газеты «Нью-Йорк пост». «...Бесконечная война,— пишет газета,— вскрыла глубокие потоки внутреннего социального насилия, ограбила страну, лишив ее возможностей борьбы с наркоманией и нищетой, парализовала всякое чувство национальной гордости и национального долга... Назови человека «свиньей», и ты уже имеешь право снести ему затылок или всадить в него, лежачего, восемь пуль. Назови человека «ниггер», и ты уже можешь превратить его в частицу миссисипской дамбы, или повесить его, или застрелить на загородной дороге. Назови человека «гук» (так американская солдатня называет вьетнамцев.— Г. Б.), и ты можешь расстрелять женщин и детей во рву под вьетнамской деревней».

Нью-Йорк (АПН).

Расправа полицейских с участником демонстрации в Сан-Франциско.

Фото «Дейли уорлд» — АПН

Ал. АЗАРОВ, Вл. КУДРЯВЦЕВ

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

РОМАН

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

18. НОЯБРЬ. 1942. ЖЕНЕВА, РЮ ЛОЗАНН, 113.

На берегу Женевского озера в любую погоду гуляют дети. С боннами, гувернантками, сами по себе, они благовоспитанно вышагивают вдоль парапета и, совсем как взрослые, невыразительно глядят прямо перед собой. Маленькие мадам и месье выполняют важную обязанность — поглощают кислород, освобождая легкие от нечистого воздуха школьных классов. Так же чинно они кормят голубей и играют в «решеточку» на расчерченном цветными мелками асфальте. Белые банты и разглаженные щеткой проборы склоняются над квадратом, в который попала брошенная монетка, и деловито совещаются: кажется, монета легла на черту — разрешают ли правила перебросить?

Возвращаясь со свидания с Камбо, Ширвиндт ненадолго задерживается возле детей. Старый холостяк, он любит понаблюдать за ними, и у него есть здесь знакомые. Беленькая, с мышиным носиком Рут делает ему книксен и получает пакетик голубиного корма. Ширвиндт, покряхтывая, опускается на корточки, посвистывает, но голуби, переваливаясь с боку на бок, обходят его и, толкаясь, спешат к Рут.

— Я слишком стар для них,— говорит Ширвиндт и встает.— Как ты думаешь, Рут?

Рут рассудительна:

— О, что вы! Просто корм у меня, и они это понимают. Вы придете завтра?

— Возможно,— говорит Ширвиндт.

Рут приседает в книксене с грацией первой придворной дамы. Со временем она станет превосходной служащей и примерной женой: к этим двум профессиям ее готовят с пеленок.

Сворачивая к площади, а от нее к Школе изящных искусств, Ширвиндт еще несколько мгновений думает об этом, но мысль о будущем Рут слишком незначительна, чтобы захватить его целиком и заставить забыть о той, чье имя тоже начинается с буквы «р»... Роз... Как он предостерегал ее! Сколько говорил об осторожности и о волчьих ямах, которыми изрыта тернистая тропа разведчика... Говорил и все-таки не уберег!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—24.

Связной сообщил об исчезновении Роз в понедельник, и Ширвиндт сразу же кинулся к знакомому капитану. Сказал, что беспокоится о судьбе своей секретарши, попросил навести справки. Капитан склонил голову.

— Мужайтесь, мой друг... Если бы вы не пришли, я позвонил бы сам.

— Что вам известно? — спросил Ширвиндт.

— Посмотрите-ка вот это... Копия донесения пограничной стражи. Я снял ее для вас...

В тот же вечер связной привез рацию Роз и книгу шифра. Он влез в ателье через окно и с трудом обнаружил тайник возле печи. Остальные вещи Роз — чемоданчик с бельем, письма, безделушки — остались в пансионе. Полиция обыскала ателье через час после ухода связного — он видел машину, прибывшую из Давоса.

Ширвиндт послал сообщение Центру и из ответа узнал, что в Париже создан штаб по координации деятельности германской контрразведки во главе с бригадефюрером Рейнике. Центр указывал: «В случае непосредственной опасности для вас, наших друзей здесь и в других местах, постарайтесь перебраться в Барселону, Калье де Мадрид, 17, сеньор Хуан Хусте. Пароль: «Я пришел от Профессора после операции аппендицита». Хотя в Париж и послано сообщение об этом, со своей стороны, свяжитесь с нашими друзьями там и подтвердите наш приказ». Ширвиндт дал радиограмму Жюлю с полученным адресом и сжег шифровку, не стараясь запомнить координаты сеньора Хуана Хусте. Все равно он не сумеет воспользоваться ими: в Женеве нет человека, который его заменил бы, и он останется здесь до самого конца. Такое же предупреждение восемь месяцев назад (только адрес был иным) он передал товарищам из группы «берлинцев», но никто из них не уехал, группа работала, хотя гестапо стояло где-то у самого порога конспиративных квартир; зато о весеннем наступлении немцев Генеральный штаб РККА узнал достаточно, чтобы принять контрмеры...

Утром Буш прислал жену, а с ней еще одну радиограмму. Ширвиндт прочел ее и днем заглянул в магазинчик Буша. Симон хлопотал у плиты — с блаженным лицом вдыхал аромат крепчайшего кофе. О беде он не знал, был весел, и Ширвиндт постарался не огорчать его, тем более что в радиограмме речь шла как раз о Буше.

Симон разлил кофе по фаянсовым кружкам.

— Мой собственный рецепт! Пальчики оближешь!

Ширвиндту показалось, что он глотнул концентрированного раствора хины. С трудом протолкнув в горло горячую жидкость, он отвел руку Буша с кофейником.

— С меня хватит, Симон. К тому же я по делу.

— Говори.

— Ты мог бы оставить магазин на жену?

— Конечно. Хоть на месяц!

— Ты не понял: я имел в виду — надолго оставить. До конца войны...

Центр просил дать парижанам хотя бы двух радистов. Одного из них Ширвиндт выделил безболезненно: рация числилась запасной, товарищ сидел без дела в Берне и давно уже просился куда угодно, только бы не торчать с утра до ночи в меблирашках, вдали от настоящих событий. Вторым мог бы стать Буш с его подлинным паспортом швейцарского гражданина. Но захочет ли он?

— Могу я посоветоваться с женой? — спросил Буш.

— Конечно, Симон.

— Завтра я отвечу.

— Обдумай все, дружище, и не торопись.

— Будь спокоен!

— Серый котелок не показывался?

— К счастью, нет. Ложная тревога, Вальтер!

— Возможно, что и так...

Ширвиндт никогда не был склонен преувеличивать степень той относительной безопасности, которую им обеспечивал сомнительный нейтралитет Швейцарии. С первых дней мировой войны ответственные чиновники в Берне повели себя двусмысленно. Многочисленные разведки Германии действовали почти в открытую, не хватало только вывесок на их люцернских, цюрихских и женевских филиалах. Советский Союз не имел в Швейцарии дипломатического представительства, и не по своей вине: прогерманские позиции конфедеративного МИДа не составляли секрета ни для кого, в том числе и для Наркомата иностранных дел в Москве. Но при всем том во Франции, куда должен был переехать Буш, было еще опаснее. Ширвиндт так и сказал Бушу перед прощанием и добавил, что не будет в претензии, если тот откажется.

— Ясно,— недовольно сказал Буш.— Не нужно повторяться, Вальтер. Кланяйся при случае малютке Роз. Как она там, в Сен-Морице?

— Катается на лыжах,— ответил Ширвиндт и поторопился уйти.

...С тяжелым сердцем Ширвиндт едет в этнографический музей. И до войны его залы не ломились от публики, а сейчас он так безлюден, что шаги Вальтера будят эхо под потолком. Из трех женевских музеев — есть еще естествознания и искусств — Камбо облюбовал для рандеву именно этот. Ширвиндт боится, что они уже примелькались смотрителям. Встречи возле стендов с тотемами индейских племен лучше прекратить, перенеся их хотя бы в Ботанический сад...

Безразлично разглядывая забавных божков из Бирмы и африканские маски с багровыми, вздувшимися губами, Ширвиндт передвигается от коллекции к коллекции и таким образом оказывается вплотную к Камбо, пристально изучающему удивительно непристойную фигурку Шивы.

— Изумительно,— говорит Камбо, не поворачивая головы.— Какая естественность!

Ширвиндт снимает и протирает очки.

— Нам надо поговорить.

— К вашим услугам.

— Отлично. С услуг я и начну. Боюсь, что придется от них отказаться.

— Почему? Разве я не точен?

— Напротив.

— Дело в цене?

— Нет. В ваших источниках. Если бы мы здесь играли в заговорщиков, таинственность была бы хороша и уместна. Но и тогда вопрос о том, где и как вы получаете информацию, оказался бы не лишним.

— Мы, кажется, договорились...

— Времена меняются!

— И мы вместе с ними?.. Эта латинская пропись слишком диалектична. И потом: что вам не нравится? Я ведь не спрашиваю вас, кого вы представляете: «Интеллидженс сервис», американцев или русский Генеральный штаб? Согласитесь, это предел лояльности с моей стороны.

— А чем вы рискуете?

— А вы?

— Всем!

— Сильное выражение.

— И точное, Камбо... Словом, или откровенность, или конец всему.

— Тогда конец.

— Сожалею...

Ширвиндт делает шаг, чтобы уйти, но Камбо дотрагивается до его локтя. Сморщенное лицо его сжимается в кулачок.

— Не горячитесь, мой друг...

— Что еще?

— Давайте рассуждать логично. Допустим, в Германии есть группа лиц, стоящих в оппозиции Гитлеру. Допустим далее, что эта группа готова сотрудничать с кем угодно, чтобы свалить обожаемого фюрера в помойную яму. Неужели вы откажетесь от услуг этих людей только потому, что они предпочитают не афишировать свои имена?

— Безусловно!

— Политика белых перчаток?

— Вам больше нечего сказать, Камбо? Тогда прощайте!

— Подождите! Может быть, вас заинтересует последующее? Я еще не кончил.

— Договаривайте.

— Эти лица занимают большие посты в империи. Поставьте себя на их место и решите, как поступить.

Ширвиндт разочарованно пожимает плечами.

— Слишком много слов.

— Вы настаиваете на своем?

— Самым решительным образом.

— Хорошо же! Вас успокоит, если я скажу, что в числе моих друзей два генерал-фельдмаршала, бывший обер-бургомистр и некоторые члены ставки?

— Их имена?

— Не все сразу. Сначала я спрошу моих друзей, хотят ли они лишиться инкогнито, а пока ограничусь изложением нашей платформы. Вам интересно?

Ширвиндт еще раз пожимает плечами.

— Мы — антинацисты. Общо? Но, увы, другого термина нет. Политические нюансы, оттенки, разногласия в данный момент нас не волнуют. Не скрою, некоторые из нас считают себя людьми вне политики, и их оппозиция фюреру носит сугубо личный характер. Что касается меня, то я сторонник парламентской Германии, но с сильным лидером во главе правительства. Наци номер один — просто необузданный психопат, его придется заменить. Ради этого я иду на контакт с вами. Поражения на фронте подтачивают авторитет и власть господина с усиками и создают почву для переворота. Колокол на ратуше должен будет зазвонить рано и поздно.

— Звучит красиво. Но при чем здесь мы?

— Все мы у веревки колокола!

— Вы так считаете?

— Почему бы и нет?

Ширвиндт холодно смотрит на собеседника.

— Авантюры с заговорами? Здесь нам не по дороге, Камбо.

— А я и не зову вас в путь. Как-нибудь обойдемся! Для меня главное, что наша информация помогает одной из держав в ее войне и тем самым уподобляется зубцу на пиле, которая подрезает сук под Гитлером. Мое сотрудничество с вами продлится до того часа, когда в кресло рейхсканцлера сядет наш человек.

— Кто же он?

— Может быть, тот самый бывший обер-бургомистр, а может быть, и один из членов нынешнего правительства.

Из музея Ширвиндт уходит озабоченный. Разговор с Камбо имеет первостепенное значение. Оппозиция и заговор — об этом сообщали «берлинцы» незадолго до провала. Называли имена фельдмаршалов фон Бока и Рунштедта, но точно определить их роли и степень участия в оппозиции «берлинцы» не могли. Что касается «обер-бургомистра», то это может быть Герделер, старый интриган, ненавидящий Гитлера по соображениям личного свойства,— его имя тоже упоминалось в сообщениях. Обо всем этом следует немедленно доложить Центру. Если Камбо не лжет, то надо, во-первых, резко отгородиться от возможных попыток использовать себя в узких интересах заговорщиков и, во-вторых, получить от них все, что удастся. О «белых перчатках» нет и речи, когда враг топчет твою землю!

На обратном пути и происходит встреча с Рут — встреча, остро напоминающая Ширвиндту о Роз. Бедная девочка, каково ей сейчас?

Ширвиндт звонит из конторы капитану: нет ли новостей? Полиция ведет расследование? Ах, полиция!.. Что же она узнала?

— В последний раз нашу знакомую видели в Тифенкастеле в обществе одного господина. Кстати, он в тот же вечер покинул отель в Давосе, где жил свыше недели. По документам он значится Дюроком. Это вам что-нибудь говорит?

У Ширвиндта мертвеют губы.

— Так, кое-что,— отвечает он.— Продолжайте, пожалуйста...

— В газетах не появится ни строчки. Полиция считает, что здесь замешано гестапо.

— Кто же еще! — говорит Ширвиндт с горечью.

— Наш МИД, очевидно, заявит формальный протест, но не будет добиваться возврата похищенной. Обычная практика. Помните историю в Голландии? Тогда речь шла о двух помощниках английского военного атташе, официальных лицах! Немцы вывезли их среди бела дня, и голландцы промолчали. Что же вы хотите от Берна?

Ширвиндт стискивает зубы и закрывает глаза. Тьма окутывает его, тьма, из которой улыбается Роз. Нет, не Роз — Аня Мальцева.

19. НОЯБРЬ, 1942. МАРСЕЛЬ, РЮ ЖАРДЕН, 17-21.

О продвижении немцев на юг Франции Жак-Анри узнает еще в пути. Поезд давно выбился из расписания, плетется, простаивая в Оранже, Авиньоне и Арле дольше положенного. Почти на каждой остановке солдаты в стальных шлемах проверяют документы и кого-нибудь ссаживают; полевые жандармы с бляхами на мундирах подозрительно вглядываются в лица пассажиров, словно они по меньшей мере замаскированные «коммандос». Пропуск Жака-Анри подписан высшим руководителем полиции безопасности и СД генералом Кноховеном, но и он не вызывает у патрулей особенного почтения. Требуют удостоверение личности, сверяют фотографию с оригиналом и только тогда неохотно возвращают бумаги.

— Можете следовать!

Под утро экспресс наконец минует Арль, где проверка особенно тщательна, и вместе с бледным рассветом вползает в Марсель. На вокзале гестапо уже оборудовало фильтрационный пункт, и Жак-Анри становится в хвост длинной очереди, голова которой уперлась в стол перед турникетом. Здесь несколько штатских, пока почти корректных, сортируют людей и документы.

— Проходите!

— Проходите!

— В сторону!

— Но, мой бог, за что?!

— Не задерживайте! В сторону! Вахмистр, да утихомирьте же его!.. Следующий! Пропуск?

Мужчина в светлом пальто из верблюжьей шерсти цыпленком бьется в руках вахмистра и солдат. Вахмистр заводит ему руки за спину и вталкивает в двери вокзала. Женщина, стоящая в очереди возле Жака-Анри, бледнеет и начинает медленно оседать. Жак-Анри едва успевает поддержать ее.

— Вам плохо?

— О нет, ничего. Благодарю, месье...

Женщина пытается улыбаться. Еле держится на ногах, но все-таки пудрит нос, подкрашивает губы — красота кажется ей самой надежной защитой от гестапо. Старший из чиновников повелительно протягивает руку. Не поднимая головы от стола, торопит.

— Документы. Быстрее!

— Я еду к мужу.

— Что она говорит? — спрашивает второй гестаповец — юный Зигфрид с зелеными глазами кошки.— Ты понял ее?

— Она едет к...— переводит старший, заменяя слово «муж» непристойным словечком. И продолжает по-французски: — В сторону!

— Я еду к мужу,— настаивает женщина; ее хорошенькое личико становится белее пудры.— Я не могу опаздывать...

— Что она говорит? — допытывается зеленоглазый.

Старший коротко смеется:

— Франция недоплатила нам по репарациям.

— Натурой?

Старший кивает.

— В сторону!

— Стыдитесь, господа!

Из-за спины Жака-Анри, с бессильной яростью слушающего этот диалог, выдвигается рослый шатен в темном, очень респектабельном плаще и толстых дорожных перчатках. Не снимая перчаток, достает из кармана бумажник, а из него — необычного вида документ в виде карточки, вложенной в прозрачный пакет из целлулоида. Гестаповец смущен.

— Это была шутка...— начинает он.

— Фамилия? Чин?

Металлические интонации заставляют подобраться не только старшего, но и остальных. Зеленоглазый потихоньку отодвигается от стола.

— Криминаль-секретарь Ленц! СС-унтерштурмфюрер!.. Это была шутка, господин...

— Капитан фон Модель, штаб бригадефюрера Рейнике! Кто научил вас так неуместно шутить, унтерштурмфюрер Ленц?

Жак-Анри настораживается. Из штаба Рейнике?.. Француженка роняет сумочку прямо к ногам капитана, и тот с галантной улыбкой возвращает ее владелице. Слегка наклоняет голову.

— Германская армия не воюет с населением, мадам. Господин офицер ошибся... Что поделать, у всех нервы!

— Я так благодарна!—лепечет француженка.

— Мадам позволит проводить ее?..

Жак-Анри достает свой пропуск... «Армия не воюет с населением!» Сколько раз он слышал эту фразу! О да, вермахт, разумеется, не воюет с женщинами и детьми! И приказы о взятии и казни заложников подписывает не военный комендант Парижа. И деревни на Украине и в Белоруссии сожжены не армейскими частями. И массовые расстрелы по всей Европе проводятся не ими!..

Получив документы назад, Жак-Анри выходит на привокзальную площадь следом за немцем,

назвавшимся фон Моделем. Тот ведет свою спутницу к серому «оппель-адмиралу», за рулем которого сидит штатский. Женщина с признательностью улыбается своему спасителю. Еще одна Красная Шапочка, обманутая господином Волком. За доверчивость она расплатится где-нибудь в отеле, куда не посмеет отказаться зайти... Но что ему нужно здесь, в Марселе, этому фон Моделю?

Трамваи еще не ходят, да и неизвестно, пойдут ли они сегодня, и Жак-Анри добирается пешком до пансиона мадам Бельфор. Он проникает в дом со стороны улицы Хеффер: лучше, если прислуга не увидит его. Пьер, заспанный, в стеганом халате, стоит у окна. Глаза его полны тоски.

— Это катастрофа,— говорит он.— Франция погибла. Слышишь: в Тулоне взрывают флот!

— Ты уверен, Пьер?

— Адмирал предупреждал меня.

— А марсельская бригада эсминцев?

— Ее уже нет...

На глазах Пьера слезы, и он их не стыдится. Всякий француз, кто бы он ни был, с детства влюбляется во флот. Корабли под трехцветным национальным флагом — предмет гордости от Наварры до Иль-де-Франса. Сильный флот — сильная Франция, так считал еще Наполеон... Теперь флота нет. Корабли уходят на дно, подняв сигналы «Погибаю, но не сдаюсь!». Разгром республики, начавшийся в тридцать девятом, завершается в эти минуты. Чем может Жак-Анри утешить Пьера?

— Где рация? — спрашивает Жак-Анри.

— Не здесь...

— Связная придет?

— Если доберется.

Жак-Анри кивает: это хорошо. В такой час лучше быть всем вместе. Надо хорошенько подумать, как работать дальше в новых условиях... Продолжая осматриваться, он находит взглядом свежий картон с контурами головки. Профиль едва намечен, нет ни шеи, ни затылка, волосы только означены, но все равно это Жаклин, как живая.

— Ты неосторожен,— с упреком говорит Жак-Анри.

— Она моя натурщица, так ее знают в пансионе.

— Я не подумал об этом.

— В иное никто бы не поверил. Я слишком древний гриб для нее.

— Не наговаривай на себя, Пьер! Ты выглядишь хоть куда!

На восковом лице Пьера мелькает улыбка. Сердце Жака-Анри сжимается от жалости: Пьер так худ и прозрачен, что становится больно за него. Карман халата оттопырен баночкой.

— Я еще побываю на твоей выставке в Салоне. После войны все мы приедем на твой вернисаж, и ты подаришь мне этот картон. Идет?

— Отвернись,— краснея, говорит Пьер.

Жак-Анри отворачивается к стене и ждет, пока он переоденется. Пиджак болтается на худых плечах Пьера, словно под ним нет тела. Воротник рубашки способен вместить еще одну шею... Пьер перекладывает баночку в карман брюк.

— Я готов... А что касается рисунка — он твой, и ты можешь взять его сейчас. Хоть какая-нибудь память... Я ведь не такой оптимист, мой дорогой!

Говоря, Пьер извлекает из-под подушки изящный браунинг с перламутровыми накладками на рукоятке и заталкивает его за пояс. Щелкает согнутым пальцем по обойме.

— Как видишь, я все-таки дорожу жизнью. Ты не верь, когда я говорю, что мне все равно. Старики любят пококетничать... Пойдем?

По черной лестнице они спускаются в сад, огибают заросли акации и, приминая пожухлый газон, доходят до калитки.

— Мой моцион,— говорит Пьер.— Считается, что я живу в двадцать первом номере, и это вынуждает меня бегать сюда по утрам.

— Зачем?

— Спроси у мадам Бельфор, это ее идея. Впрочем, сейчас все увидишь.

Они пересекают сад и по поляне идут к дому. Стена кустов укрывает их от нескромных глаз. Пьер минует черный ход и останавливается у лестницы, ведущей в подвал. В углу подвала дверь, завешанная пришедшим в негодность, истертым ковром. Пьер вставляет ключ в скважину, и замок издает мышиный писк.

— Старый ход для прислуги,— говорит Пьер, когда они входят в каморку с винтовой лестницей у стены.— Пещера Аладина, из которой можно попасть на второй этаж в угловую комнату. Ты помнишь, кто там жил?

— Кажется, горничная?

— Ну и память!.. Я-то знаю об этом от мадам Бельфор. Она все еще вздыхает по тем временам, когда горничные были на всех этажах.

— Я думал, ты работаешь отсюда.

— Цени мадам! Она мудра, как Талейран... Та комната наверху соединена с двумя следующими, а через них — с моей спальней. То есть сплю я, конечно, в номере семнадцать, в мастерской, а сюда прихожу по утрам, чтобы дать возможность прислуге удостовериться в моем наличии. Неплохо придумано?

— Пока не знаю...

Пьер огорчен.

— Что тебе не нравится?

— Слишком сложно все это, ну да ладно, тебе-то удобно так?

Впрочем, оказавшись в спальне, Жак-Анри смягчается: ход в нее с обеих сторон замаскирован под стенной шкаф, и убежище кажется надежным. Тем более, что Пьер работает отсюда уже полтора месяца или около того.

— Связная придет днем? — спрашивает он, устраиваясь в кресле.

— После сеанса.

— А прислуга?

— Не раньше двенадцати. Я ведь старик с причудами и встаю поздно.

— Тем лучше. Сколько еще до сеанса?

— Минут двадцать,— говорит Пьер.— Хочешь отдохнуть?

— Нет, напишу кое-что. Где код?

— Там же, где и рация!

Глаза Пьера блестят торжеством.

— Не ищи, все равно не найдешь!

Кажется, Жаку-Анри известны наперечет все мыслимые места для устройства тайников, но выдумка Пьера приводит его в восхищение. Никто до него не додумался спрятать рацию в испорченной газовой колонке ванной. При обыске в первую голову обычно вскрывают пол, обстукивают стены, потрошат мягкую мебель. Крохотная ванная комната, примыкающая к

спальне, с бездействующими кранами и закопченной колонкой, меньше всего способна вызвать подозрения.

Пьер доволен и даже не скрывает этого. Художник, человек, далекий от политики и смешивающий Жиро с Дарланом, он поразительно быстро приобрел навыки конспиратора. Люди, рекомендовавшие его, не ошиблись в выборе, хотя Жак-Анри на первых порах немало колебался. Скорее всего, он все-таки постарался бы обойтись без Пьера, если бы Пьер сам не потребовал дела, пригрозив уходом в маки в случае отказа.

— Искусство, ну и что? — желчно сказал он, выслушав возражения Жака-Анри.— В Испании я, между прочим, занимался тем, что воевал за него. И на линии Мажино — тоже.

Жак-Анри уступил и сейчас нисколько не жалеет об этом.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Пьер и возится с колонкой.— Код я держу под вытяжным колпаком, а антенну пропускаю вдоль трубы. Нравится?

Он, как ребенок, гордится своей изобретательностью, и Жаку-Анри опять становится грустно. Картины Пьера чудесны, хотя и не всегда понятны. В Испании Пьер однажды нарисовал комиссара бригады, и комиссар потом долго дулся, считая, что Пьер его разыграл. Зеленые линии, странно переплетенные с синими пятнами и черными кляксами, трудно было признать за лицо человека. Где нос? Где рот и губы?

— Я этого не заслужил,— сказал комиссар и тем, в свою очередь, обидел Пьера.

— Есть люди,— ответил Пьер,— с врожденными недостатками. Ты из их числа... И вообще — нельзя же все рассматривать с помощью Маркса! Левое искусство опередило века.

Спор окончился тем, что Пьер, позлившись, изобразил комиссара на листке из блокнота — в традиционной манере и даже с прыщом возле носа. Это их примирило.

— Возьми свою фотографию,— сказал Пьер величественно.— И можешь ею любоваться.

Той же ночью комиссара зарезал марокканец, а оглушенного Пьера интербригадовцы едва успели вытащить из окопа. Жак-Анри долго нес его на спине — республиканские части покидали позиции. Где это было? Под Картахеной?

— Помнишь комиссара? — говорит Жак-Анри.

— Маленького Ганса? Еще бы! Почему ты спросил?

— Сам не знаю.

Жак-Анри встает и подходит к окну. Улица словно вымерла. Одинокий забулдыга пялится из подворотни на пансион. Воистину для пьяницы все безразлично: свой стаканчик он пропустит и в разгар землетрясения. Жак-Анри собирается вернуться в кресло, но задерживается — из перекрестка на улицу въезжает маленький «пежо», яркий, как яичный желток, а следом за ним подкатывает длинный «оппель-адмирал». На глазах Жака-Анри пьяница трезвеет и стремглав летит навстречу штатскому, вылезающему из передней машины.

— Пьер,— зовет Жак-Анри.— Поди-ка сюда.

Пьер недоволен: он как раз колдует над кодом.

— Что случилось?

— Смотри.

— Вижу. Это Мейснер из Комиссии по перемирию. Он живет здесь, напротив. Мадам Бельфор ненавидит его за испачканные одеяла... Ого, притащил целый шлейф друзей. Победители празднуют взятие Марселя! В бою, с развернутыми знаменами! За это, конечно, следует выпить, и, будь спокоен, к вечеру они надерутся как свиньи!

— Не слишком ли их много? Мне они не нравятся! И этот штатский...

— Полицейская охрана высокой особы. Дежурят здесь не первый день. Не прикажешь ли его прогнать?

— Не шути...

— Какие уж шутки, когда через две минуты сеанс? Извини, мне пора к рации. Можешь подремать полчаса.

Успокоенный Жак-Анри отходит от окна как раз в тот момент, когда Модель, задержавшийся в машине, выбирается на тротуар и разминает ноги. Жак-Анри садится в кресло и вслушивается в баюкающее шуршание, которое доносится из ванной. «Слава богу,— думает Жак-Анри,— в Марселе нет пеленгаторов. Но завтра они могут появиться, и тогда...»

Как ни слаб шорох у двери, Жак-Анри улавливает его и успевает вскочить. На цыпочках подходит, прикладывает ухо к филенке. Он не обманулся: в коридоре кто-то пытается повернуть ручку. Бронзовая змея с зелеными фарфоровыми глазками скользит вниз, доходя до упора. Жак-Анри кладет на нее руку, словно пытаясь остановить движение, и тут же заставляет себя сделать шаг назад. Змея возвращается на место...

— Пьер! — шепчет Жак-Анри, забывая, что с прижатыми к голове наушниками Пьер ничего не может услышать.

Сообразив это, Жак-Анри по-прежнему на цыпочках бежит к ванной, рывком поворачивает Пьера за плечо. Прикладывает палец к губам.

— Тс!.. Скорее!

Пьер сдергивает наушники и изумленно смотрит на Жака-Анри.

— Что с тобой? — говорит он громко, и в этот же миг в дверь стучат.

— Скорее! — шепчет Жак-Анри, обрывая провод антенны и заталкивая за пояс брюк кодовую книгу.

— Я сам...— говорит Пьер все так же громко.

— К черту рацию!

— Сейчас...

Дверь начинает ходить ходуном под ударами.

— Откройте! Германская полиция! Сопротивление бесполезно!

По лицу Пьера блуждает растерянная улыбка. Он пятится к стенному шкафу, одной рукой подталкивая Жака-Анри, а другой высвобождая зацепившийся за подтяжки браунинг. Жак-Анри не успевает помешать ему.

— Я сам...— бормочет Пьер и стреляет в дверь.

В ответ сухо и отчетливо отзывается автомат. Пули пробивают филенку и со свистом впиваются в простенок. С потолка на плечи Жака-Анри сыплется алебастровая мука.

— Я сам... сам...— повторяет Пьер, продолжая стрелять.— Я сам...

Кроме этих слов, он не произносит ничего. Улыбка, как приклеенная, дрожит на его лице. Жак-Анри хватает его за руку, и в тот же миг Пьер валится на него, роняя пистолет. Рубашка тлеет у него на груди в тех местах, куда попали пули. Жак-Анри едва не падает: мертвый Пьер нестерпимо тяжел... Голова Пьера глухо ударяется о паркет, ноги вздрагивают и вытягиваются...

Словно смерч подхватывает Жака-Анри, пронося его через три комнаты и по винтовой лестнице. Внизу он обнаруживает, что сжимает в кулаке браунинг, но не может вспомнить, как и когда подобрал его. Он отбрасывает браунинг и прижимается к ковру, прислушиваясь. В подвале тихо. Неужели немцы не оцепили сад? Так бывает только в сказках!.. Но сказка это или нет, а сад пуст. Убедившись в этом, Жак-Анри, пригнув голову, пробирается к калитке, открывает ее и оказывается в спасительной чаще акаций. Отсюда есть ход, известный только ему и мадам Бельфор,— он выводит к пустому гаражу, а через него — на улицу Хеффер. Остается решить: выждать немного или немедленно воспользоваться этим путем.

Жак-Анри переводит дух, смотрит на часы. Ровно одиннадцать. Дай бог, чтобы Жаклин где-нибудь задержалась. Откуда она входит в пансион? Если бы только знать наверняка!..

Платком Жак-Анри стряхивает с плеч алебастр и ныряет в гараж. Тусклое стекло в окошке едва пропускает свет. Жак-Анри приникает к нему, всматриваясь в улицу, и тут же слабеет, ощутив тупое прикосновение металла к спине.

— Руки! Не оборачиваться!

Жак-Анри не видит говорящего. Ствол пистолета вдавливается все сильнее в ложбинку между лопатками.

— Стой спокойно!

Жак-Анри замирает.

— Хорошо,— говорит Жак-Анри и, присев, захватывает в горсть лацкан пиджака того, кому придется умереть среди хлама в заброшенном гараже. Агент слишком близко придвинулся, чтобы не воспользоваться этой его оплошностью...

Жак-Анри поднимается с коленей лишь тогда, когда пальцы его, перехватившие сонную артерию на потной шее, начинают неметь. Несколько мгновений он разглядывает мертвеца: немолодое, плохо выбритое лицо. Возле уха, зарывшись в пыль, лежит то, что Жак-Анри принял за пистолет и что оказывается большим медным портсигаром. Шпик был не трус и очень хотел заработать свои франки...

Улица Хеффер оцеплена. Солдаты и несколько штатских стоят у подворотен; перекресток закрыт громадным «майбахом» с прутиком рации над кабиной. Среди немцев нет никого, чье лицо было бы знакомо Жаку-Анри, и он открывает ворота виллы и идет прямо на людей.

За несколько шагов до гестаповцев, следящих за ним с недружелюбным интересом, Жак-Анри достает из кармана металлический жетон с литерами и номером.

— В чем дело, господа? Что за выстрелы?

— Документы!

— Служба безопасности!

Гестаповец с недоверием разглядывает жетон.

— Что вы здесь делаете?

— А вы? — спрашивает Жак-Анри.

— Ваше удостоверение!

Жак-Анри лезет в карман, извлекает карточку. Сердце его ёкает: карточка выписана еще в тридцать восьмом, и на ней подпись Отто Абеца, бывшего в те дни эмиссаром гестапо в Париже. Ныне Абец — «посол» при Петэне. Действительна ли карточка сейчас? Жаку-Анри ни разу пока не доводилось ею воспользоваться.

Гестаповец недоволен:

— Почему вы здесь?

— Дела службы,— коротко говорит Жак-Анри.

— Я запишу ваш номер.

Гестаповец открывает блокнот и бисерным почерком переписывает в него реквизиты с документов Жака-Анри. Козыряет.

— Прошу, штурмбанфюрер! Не задерживайтесь!

Знали бы товарищи, погибшие в Берлине, от какой беды убережет Жака-Анри документ, выкраденный ими из личной канцелярии Отто Абеца! Но они никогда не узнают и не услышат слов благодарности, сказанных мысленно Жаком-Анри,— мертвые глухи...

Не ускоряя шага, Жак-Анри сворачивает за угол и лицом к лицу сталкивается с Жаклин. Серебристый плащ ее светится под стать улыбке.

— Вы-ы? — говорит она протяжно.

— Назад! — командует Жак-Анри.— Берите меня под руку и ни слова.

Они идут к морю и молчат. Взрывы все еще гремят — глухие, похожие на дальний гром. Рука Жаклин тяжело давит на локоть Жака-Анри. Волосы растрепались.

По улице с ревом проносится полицейский автомобиль.

— Куда мы идем? — тихо спрашивает Жаклин.

— Еще не знаю,— говорит Жак-Анри.

Продолжение следует.

РАДОСТЬ ПРИЗВАНИЯ

Каждый год в стенах одного из старейших учебных заведений нашей страны, Первом московском медицинском институте, который не так давно отметил 200-летие своего существования, молодые врачи дают клятву. «Я всегда буду помнить,— говорится в этой клятве,— о своем врачебном долге, о высокой ответственности перед народом, Коммунистической партией и социалистическим государством. Своим самоотверженным трудом буду стремиться завоевать всенародную любовь и уважение. Обещаю быть образцом поведения на работе и в быту, быть активным борцом за построение коммунистического общества и формирование коммунистического сознания у наших людей.

Обязуюсь пронести эту клятву через всю жизнь!»

Тысячи и тысячи воспитанников института, давшие эту клятву, с честью оправдывают звание советского врача. Ныне Герой Советского Союза Борис Борисович Егоров — питомец института — побывал в космосе. Многие стали виднейшими учеными, педагогами. А сколько сегодня их трудится в больницах в разных концах нашей необъятной страны!

Один из его воспитанников и недавний ректор, а ныне вице-президент Академии медицинских наук СССР, Владимир Васильевич Кованов, с необычайной сердечностью и теплотой рассказывает о своих сверстниках по институту, о своих учителях, о славной когорте советских ученых-медиков, прославившихся своими трудами на весь мир.

Недавно вышла в свет его книга «Призвание». Это большой, объемный труд, интерес к которому проявлен широким кругом читателей. Книга написана необычно. Это мемуары и трогательные рассказы о людях, которые сегодня самозабвенно трудятся на своем врачебном посту, это рассказ о новом в медицине, раздумья о будущем медицинской науки, о нашей смене. Это и повествование о своей жизни, о нелегком пути в науку, о том, как формировался, складывался, вырабатывался характер человека, посвятившего себя борьбе за здоровье людей.

Комсомолец 20-х годов, выходец из простой крестьянской семьи, В. В. Кованов на ярких примерах рассказывает, как жажда знаний помогала преодолевать трудности, как молодежь увлекал революционный пафос созидания. Автор с большой душевной щедростью рисует облик ученых, которым он обязан столь многим в своей врачебной и научной работе. Прежде всего это М. П. Кончаловский и П. А. Герцен, А. И. Абрикосов и Н. Н. Бурденко, А. В. Вишневский, С. С. Юдин и многие другие.

Сам В. В. Кованов в годы Великой Отечественной войны был на передовой линии огня, являлся ведущим хирургом полевого передвижного госпиталя, а затем армейским хирургом. Фронтовые страницы книги воссоздают бессмертный подвиг советских хирургов, врачей, сестер, их мужество и отвагу, проявленные в грозные годы войны с гитлеровскими захватчиками.

Вернувшись с войны, В. Кованов с головой уходит в научную деятельность. Им проложены новые пути в изучении хирургической анатомии человека, соединительной ткани и клетчаточных пространств, в пересадке органов. Читатель найдет в книге много познавательного, ощутит радость открытий ученого.

В. В. Кованов ведет широкую общественную деятельность, является активным участником Всемирного движения сторонников мира, членом президиума Советского комитета защиты мира. Он побывал во многих странах, имел много встреч и дискуссий с зарубежными коллегами. Немало страниц в книге отводится впечатлениям о зарубежных поездках.

Заключительная часть книги посвящена проблемам развития советской медицины и воспитанию новых молодых кадров врачей. Обращаясь к своему читателю и прежде всего к молодежи, автор говорит о том, какое счастье в жизни познать высшую радость творческого труда.

Читатель, несомненно, будет благодарен автору за то, что он так вдохновенно показал своих сверстников, людей разных поколений и разной судьбы, одержимых и дерзновенных, умеющих добиваться победы на пути к поставленной цели.

Михаил КОТОВ

В. В. Кованов. Призвание. Издательство политической литературы. 1970.

ПРЕТЕНДЕНТОВ СТАЛО МЕНЬШЕ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Участники четвертьфиналов настолько опрокинули все прогнозы, что самые крупные авторитеты могут выйти из доверия у любителей шахмат. В защиту шахматных комментаторов хочется сказать лишь одно: угадать все шесть чисел в спортлото легче, чем предвидеть некоторые беспрецедентные приключения в четвертьфиналах, особенно в двух.

Точнее всех в своих прогнозах оказался на страницах «Огонька» президент ФИДЕ М. Эйве. Но теперь на многие «почему» и «как это могло случиться» президент с удивлением отвечает: «Непонятно».

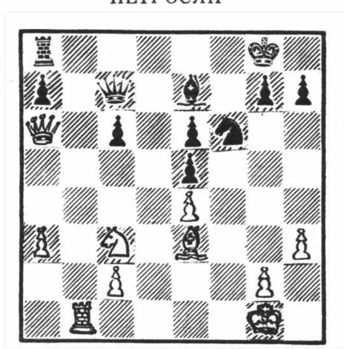
Начнем с поединка Т. Петросян — Р. Хюбнер. Относительно этого матча все в один голос заявляли: победа Петросяна не вызывает никаких сомнений. Голландская шахматная федерация, как уже отметил М. Эйве, даже отказалась от проведения этого матча, ибо считала, что нет смысла «выбрасывать деньги на ветер», и поэтому встреча состоялась в Севилье.

Лишь один Петросян скромно заявил перед вылетом в Испанию: «Не понимаю, почему все считают, что я уже выиграл у Хюбнера».

Петросян оказался прав. Потрудиться ему пришлось вовсю. Правда, гроссмейстеры не баловали нас результативными партиями. Ничья, ничья и снова ничья. Любопытно, что в этом поединке оказалось столько же ничьих (шесть), сколько во всех остальных трех матчах. У молодого гроссмейстера из ФРГ Р. Хюбнера были все основания быть довольным: 3 : 3 после шести встреч с таким опытным и крупным шахматистом, как Петросян,— этот результат не мог не вызвать удивления в шахматном мире. Вничью могла закончиться также и седьмая партия, если бы Хюбнер не отказался от предложенного Петросяном мира. Обиженный этим отказом, экс-чемпион мира заиграл в полную силу и добился победы, которой неожиданно суждено было оказаться не только первой, но и последней.

Любители статистики вспомнили, что еще в 1966 году в матче на первенство мира Т. Петросян — Б. Спасский после серии из шести партий Петросян выиграл седьмую, причем применил излюбленный прием — жертву качества. В этом смысле его партия с Хюбнером похожа. Посмотрите, как протекала вторая часть этого сражения в Севилье.

ПЕТРОСЯН

ХЮБНЕР

Последовало:

20. a3—a4 h7—h6 21. a4—a5 Крg8—h7 22. Фa6—b7 Фc7 : a5 (Ясно, что Петросян не так наивен, чтобы перейти в тяжелый эндшпиль.) 23. Фb7 : a8 Фa5 : c3 24. Фa8 : a7 Кf6 : e4 25. Лb1—f1... (Можно было 25. Ф : e7 Ф : e3+ 26. Крh1, и вряд ли у черных больше, чем ничья.) 25...Сe7—h4 26. Лf1—f7 Сh4—f6 (Теперь уже Петросян ничьей не хочет.) 27. Крg1—h2 Фc3 : c2 28. Фa7—d7 Фc2—b3 29. Сe3—f2... (Лучше было 29. Лf8! Ф : e3 30. Фe8, и партия закончилась бы все же вничью.) 29... Фb3—d5 30. Фd7—a7 Фd5—d2 31. Фa7—e3 Фd2—c2 32. Сf2—e1 c6—c5 (Поехали!) 33. h3—h4 c5—c4 34. Лf7—c7 Фc2—d3 35. Фe3—f3 Фd3—b1 36. Фf3—e3... (Или 36. Л : c4 Кd6 37. Лc7 Ф : e1 38. Ф : f6 Кe8 и т. д.) 36...Кe4—d6 37. Фe3—d2 Кd6—f5 38. Лc7 : c4 e5—e4 39. Фd2—c2... (Зевок в сильном цейтноте, но партия белых проиграна.) 39...Фb1 : e1 40. Лc4 : e4 Сf6—e5+ Белые сдались.

Потерпев поражение в этой партии, немецкий гроссмейстер настолько расстроился, что принял неожиданное сенсационное решение: выбросил белый флаг. Подумайте только, у самого молодого участника турнира претендентов сдали нервы настолько, что он не смог продолжать борьбу!

Решение Хюбнера удивительно и беспрецедентно. Правда, люди старшего поколения могут вспомнить, что в матче на первенство мира Э. Ласкер — Х. Капабланка Ласкер преждевременно сдал матч. Но безоговорочная капитуляция Ласкера совсем из другой оперы. Во-первых, Ласкер был значительно старше Капабланки; во-вторых, он провел матч в трудных для него климатических условиях — на Кубе, и, в-третьих, что самое главное, счет был 4 : 0 (при 10 ничьих) в пользу Капабланки. Поэтому решение Ласкера было вполне понятно. Не думаю, что теперь Хюбнера будут сравнивать с Ласкером.

* * *

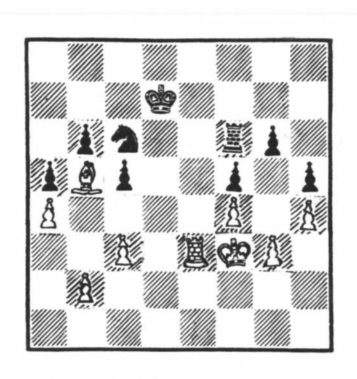
Труднее всего комментировать события в Ванкувере, ибо то, что там происходило, объяснить невозможно. Почему не было там настоящей борьбы, почему не было видно серьезного сопротивления М. Тайманова, почему и каким образом мог случиться невиданный, невероятный по своим масштабам разгром? 6 : 0! Неужели Р. Фишер так силен, что сумел победить такого опытного гроссмейстера, как Тайманов, с сухим счетом?

Никто не станет умалять колоссальный успех Роберта Фишера, и ни один шахматный адвокат сегодня не в состоянии оправдать Марка Тайманова, с которым произошла жуткая авария, тяжкая шахматная и человеческая трагедия. Тайманов, находящийся в хорошей форме, не должен был никому, даже Фишеру, проигрывать 0 : 6. После возвращения, возможно, Тайманов сам постарается объяснить свою неудачу, у нас же, шахматистов, есть пока важнейшие документы — сыгранные партии. По ним можно себе представить ход борьбы. Нам кажется, что важнейшее значение имела в матче сразу же первая партия. Там Тайманов смело пожертвовал пешку, затем качество, атаковал, и у Фишера вряд ли было хорошее настроение, пока Тайманов сжимал его в тисках. Но Тайманову не удалось довести до конца атаку, и первое поражение было для него тяжелым психологическим ударом. Не менее сильный удар он сам себе нанес во второй партии, в которой проиграл «детский эндшпиль».

Этих двух ударов было вполне достаточно, чтобы потерять уверенность, присущую Тайманову. Ленинградский гроссмейстер играл затем уже в подавленном состоянии и допустил такие зевки (как, например, в пятой встрече), что этому трудно поверить.

Надо отдать должное блестящему мастерству Роберта Фишера. Он проявил находчивость в защите, был страшен в контрнаступлении, он изумителен и в эндшпиле. Поэтому было бы несправедливо считать, что Фишер добился успеха только за счет зевков Тайманова. Ничего подобного. Р. Фишер снова показал, что является опаснейшим соперником в борьбе на первенство мира. Фишер — великолепный боец: он играет в каждой партии на выигрыш, играет до «последней пешки». Фишер, кажется, не знает правила, что лежачего не бьют. Даже при счете 5 : 0 он играл в шестой партии на выигрыш и добился своего. Очень тонко Фишер провел четвертую партию и особенно ее окончание. Посмотрите сами, как отлично он маневрировал:

ТАЙМАНОВ

ФИШЕР

41. ...Лf6—d6 42. Крf3—e2 Крd7—d8. (Черным лучше было избежать размена ладьи.) 43. Лe3—d3 Крd8—c7 44. Лd3 : d6 Крc7 : d6 45. Крe2—d3 Кc6—e7 46. Сb5—e8 Крd6—d5 47. Сe8—f7+ Крd5—d6 48. Крd3—c4 Крd6—c6 49. Сf7—e8+ Крc6—b7 50. Крc4—b5 Кe7—c8 (Теперь Фишер не пользуется, разумеется, возможностью получить мат в один ход после 51. С : g6?? Кd6. В этом эндшпиле слон белых сильнее коня черных и, кроме того, король белых активнее. Но до победы белых еще далековато.) 51. Сe8—c6+ Крb7—c7 52. Сc6—d5 Кc8—e7 53. Сd5—f7 Крc7—b7 54. Сf7—b3 Крb7—a7 55. Сb3—d1 Крa7—b7 56. Сd1—f3+ Крb7—c7 57. Крb5—a6 Кe7—g8 58. Сf3—d5 Кg8—e7 59. Сd5—c4 Кe7—c6. 60. Сc4—f7 Кc6—e7 61. Сf7—e8 Крc7—d8. (Черные в цугцванге.) 62. Сe8 : g6...

Слон выполнил большую работу и приносит себя в жертву... Из Ванкувера передавали, что все это Фишер сыграл в быстром темпе (вообще Фишер ни разу в цейтнот не попадал).

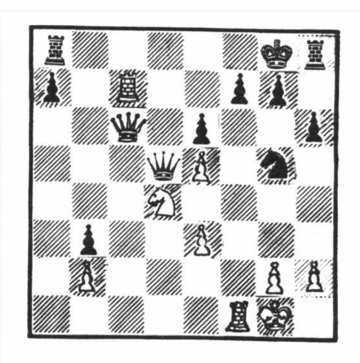
62... Кe7:g6 63. Крa6:b6 Крd8—d7 64. Крb6 : c5 Кg6—e7 65. b2—b4 a5 : b4 66. c3 : b4 Кe7—c8 67. a4—a5 Кc8—d6 68. b4—b5 Кd6—e4+ 69. Крc5—b6 Крd7—c8 70. Крb6—c6 Крc8—b8 71. b5—b6. Черные сдались.

Вот она, «визитная карточка» Роберта Фишера 1971 года.

* * *

В Лас Пальмасе встретились ровесники Б. Ларсен и В. Ульман. Победила «молодость»... на 24 дня младше Ларсен. Он начал матч с присущей ему уверенностью, но во второй партии убедился, что недооценивать Ульмана опасно. Неясно, чем бы кончилась встреча на Канарских островах, если бы в четвертой партии гроссмейстер из ГДР не умудрился проиграть позицию с лишней ладьей. Вот этот курьез:

ЛАРСЕН

УЛЬМАН

Достаточно одного взгляда на диаграмму, чтобы убедиться, что Ларсен находится в тяжелейшей позиции, но фортуна ему очень мило улыбнулась. Последовало: 27. h2—h4 Фd5 : e5 (Отчаянная попытка Ларсена запутать игру. Увы, «фокус» удается. Трудно себе представить, что через 10 ходов в матовой сети будут... белые!) 28. Фc6 : a8+ Крg8—h7 29. Фa8 : a7 Фe5 : e3+ 30. Крg1—h2 Лh8—d8 31. Кd4—f3?.. (После правильного 31. Кc6 никакая хитрость Ларсена не помогала. На 31...Фe4 32. К:d8 Ф : h4 + 33. Крh1 Кh3 + черные спасаются вечным шахом. Но в случае 32. Фf2 или 32. hg черным можно сдаваться.) 31...Фd4—f4+ 32. Крh2—g1 Кg5 : f3+ 33. Лf1 : f3 Лd8—d1+ 34. Крg1—f2 Фf4 : h4+ 35. g2—g3... (Или 35. Лg3 Лd3) 35...Фh4 — h2 + 36. Крf2 — e3 Фh2—d2+ 37. Крe3—e4 Фd2—d5+ 38. Крe4—e3 Лd1—d3+ Белые сдались.

Ульман сумел в восьмой партии сократить разрыв, но в девятой встрече Ларсен решил играть со-

лидно и закончил бой в свою пользу — 5,5 : 3,5. В общем-то в этом матче все шло почти нормально (если только не считать четвертую партию) — и победа датского гроссмейстера закономерна. Любопытно, что ни в одном четвертьфинале не были сыграны все десять партий. Ларсен — Ульман провели самый продолжительный матч — девять партий.

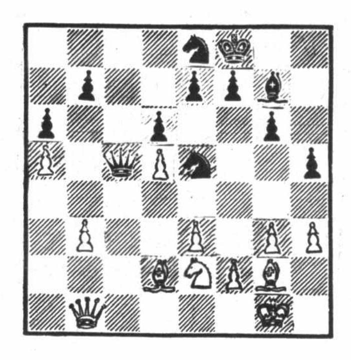
* * *

И, наконец, поединок Е. Геллер — В. Корчной. Знатоки не решались делать какие-либо прогнозы и ограничивались лишь фразой: «Здесь возможен любой исход. В этом матче победитель выявится лишь в десятой партии». И все равно они ошиблись: ничего подобного не случилось.

В Москве мы увидели Виктора Корчного в хорошей форме, отлично подготовленного во всех отношениях. С другой стороны, заметно было, что Геллер не в духе. Он играл как-то вяло, тяжеловато и систематически попадал в жестокие цейтноты. Правда, в эти цейтноты неоднократно его загонял сам Корчной, который и белыми и черными стремился только к победе, к осложнениям. В этих осложнениях Геллер не раз оказывался как тактик не на высоте, и, таким образом, Корчной сумел добиться убедительной победы — 5,5 : 2,5. Уже после восьми партий он досрочно выполнил свою спортивную задачу.

Для Корчного характерны те партии, в которых он смело вызывал огонь на себя, как это случилось в восьмой партии. Со спортивной точки зрения и также с психологической любопытна была вторая часть седьмой партии, которая была отложена в следующей позиции:

ГЕЛЛЕР

КОРЧНОЙ

Позиция вроде спокойная. Но игра возобновилась, и тут же вспыхнуло пламя. Вот как протекало доигрывание:

41. Кe2—d4 Кe5—d7 42. Кd4—e6+... (Объективно говоря, вряд ли сильнейшее продолжение, но Корчной правильно полагал, что в создавшейся ситуации Геллер скорее может запутаться, чем при попытке белых позиционным нажимом увеличивать свое преимущество в пространстве. Для Геллера ход оказался неожиданным.) 42...f7 : e6 43. d5 : e6 Кd7—e5 (Можно было и 43...Кd—f6 44. Ф : g6 Кpg8.) 44. f2—f4 Кe8—f6 (Геллер долго думал над этим ходом и все же не нашел правильного ответа 44...Кc6! 45. Ф : g6 Кd8, и игра закончилась бы, вероятнее всего, вничью.) 45. b3—b4 Фc5—b5 46. f4 : e5 Фb5 : e5 47. Фb1 : g6 Фe5 : e6 48. Сg2 : b7 Фe6 : h3 49. Фg6—g5! Фh3—e6 50. Сb7 : a6 Фe6—a2 51. Сd2—c3 Фa2—c2 52. Сc3 : f6 Сg7 : f6 53. Фg5—h6+ Кpf8—e8 54. Фh6 : h5+ Кpe8—d8 55. Фh5—g4 Фc2—b1+ 56. Кpg1—f2. Черные просрочили время, но с таким же успехом они могли и сдаться.

* * *

Еще месяц тому назад в претендентах ходило восемь гроссмейстеров. Их теперь осталось четверо. Борису Спасскому ясно, что с Геллером, Таймановым, Хюбнером и Ульманом ему не придется играть матч в 1972 году.

Т. Петросян выбил из конкурса самого молодого участника — Р. Хюбнера, В. Корчной — самого старого — Е. Геллера. Теперь в оставшемся сильнейшем квартете Петросян старейший, но не старый! Ему 42 года. Корчному 40 лет — прекрасный возраст, в котором шахматист должен находиться в расцвете своих творческих сил. Эти два шахматиста — давнишние знакомые. По статистическим данным, они сыграли 23 партии, и счет 4 : 3 в пользу Корчного. Правда, сам Корчной вспомнил, что он еще проиграл одну тренировочную партию Петросяну, и поэтому счет у них равный — 4 : 4. Но большинство их партий закончилось вничью — 16. Этот факт подчеркивает, что оба наши замечательных гроссмейстера по праву считаются лучшими защитниками — не хуже Льва Яшина и Альберта Шестернева.

Претенденты уже договорились провести свой матч в Москве.

Борьба в предстоящем полуфинале будет исключительно интересной и напряженной. Ведь при олимпийской системе ничьей быть не может. Тигран Петросян надеется в четвертый раз подняться на сцену Московского театра эстрады. Виктор Корчной тоже мечтает о встрече с Борисом Спасским. Какие прогнозы? Нет никаких прогнозов!

Как известно, в финале турнира претендентов встречается победитель матча Корчной — Петросян с победителем поединка Фишер — Ларсен. Недавно по Московскому телевидению выступал экс-чемпион мира М. Ботвинник. Он сказал, что в матче Корчной — Петросян мы будем сочувствовать тому, кто сможет успешнее сражаться с Фишером... «Но мы ведь не знаем, кто это!» — с улыбкой добавил Ботвинник.

Из заявления экс-чемпиона мира вытекает, что Ботвинник высоко котирует шансы Фишера.

Встреча Корчной — Петросян вызывает огромный интерес. Но, пожалуй, еще более напряженной будет борьба второй пары — Р. Фишер — Б. Ларсен. Это будет настоящая шахматная сенсация. Это будет борьба двух соперников, которые друг друга не особенно любят. Это будет борьба за престиж — невероятная, острая, бескомпромиссная, азартная и расчетливая. Фишер — Ларсен — это пара вроде боксерского дуэта Клей — Фрейзер. Оба уверены в своей победе.

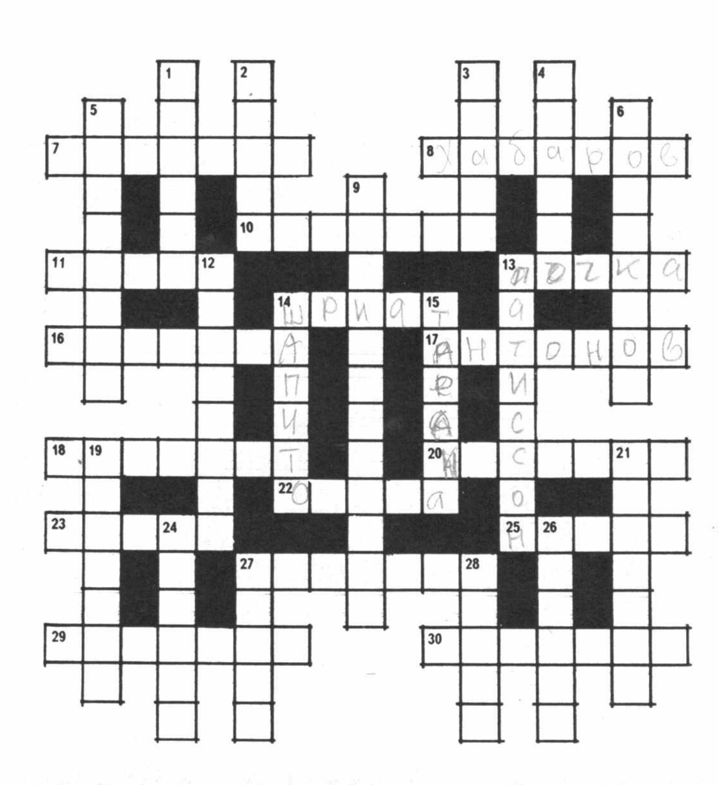
Матч Фишер — Ларсен не может быть скучным, поскольку оба на ничью никогда не играют. Они провели 6 партий, и счет 3 : 2 в пользу Фишера, всего лишь при одной ничьей.

После встречи с Таймановым многим может показаться, что с Фишером играть вообще невозможно. Ничего, можно! С Ларсеном Фишер не сможет применять канадские силовые приемы. Ларсен — тонкий психолог. Он часто играет поверхностно, ниже своих возможностей, но он понимает, что с Фишером не имеет права «валять дурака». Ларсен понимает, что Фишер в простые ловушки не попадается.

Одним словом, через месяц весь шахматный мир с большим напряжением и громадным удовольствием будет следить за двумя великолепными шахматными дуэтами. Роберт Фишер не сомневается в том, что доберется до Театра эстрады. Бент Ларсен стал немного осторожнее и теперь выражается скромнее. «Со Спасским будет играть один из нас»,— заявил он, имея в виду себя и Фишера.

Наши любители шахмат все же надеются, что в матче на первенство мира снова встретятся два советских гроссмейстера, но кривить душой не следует: на сей раз, как еще никогда раньше, серьезна проблема Фишера. Это не наше мнение, а самого авторитетного шахматиста — чемпиона мира Бориса Спасского. Не знаю, как сегодня, а полгода назад Спасский заявил, что, по его предположениям, в 1972 году ему придется иметь дело с Робертом Фишером...

Но ведь и чемпион мира иногда ошибается...

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Музыкальный инструмент. 8. Русский землепроходец XVII века. 10. Ягода. 11. Чешский композитор и педагог. 13. Зачаток побега. 14. Типографские литеры. 16. Приспособление для спуска курка в огнестрельном оружии. 17. Советский авиаконструктор. 18. Участник массовых сцен. 20. Приманка для рыб. 22. Парнокопытное млекопитающее. 23. Созвездие Южного полушария неба. 25. Приток Буга. 27. Озеро на Валдайской возвышенности. 29. Роман А. А. Фадеева. 30. Головной убор.

По вертикали: 1. Волокно из стеблей конопли. 2. Рассказ А. П. Чехова. 3. Хищная птица. 4. Итальянский певец. 5. Роман Д. Олдриджа. 6. Произведения народно-поэтического и музыкального творчества. 9. Систематизированный свод знаний. 12. Картина Т. Г. Шевченко. 13. Тарельчатая тыква. 14. Передвижной цирк. 15. Рыба семейства карповых. 19. Пешеходная дорожка. 21. Ткань, покрытая водонепроницаемой пленкой. 24. Река в Туркменской ССР и Афганистане. 26. Опера А. А. Спендиарова. 27. Ритмическая единица стихотворной речи. 28. Промежуток времени в схватке боксеров.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 5. Курсив. 6. «Эрнани». 9. Амальгама. 10. Лимон. 12. Спика. 14. Агава. 16. Грознов. 18. Калория. 19. Шолохов. 22. Ротонда. 23. Рашпиль. 24. Гамак. 26. Балет. 28. Салат. 29. Ризосфера. 30. Кремль. 31. Тетива.

По вертикали: 1. Бригада. 2. Терраса. 3. Орган. 4. «Манас». 7. Гвидон. 8. Декарт. 11. Основание. 13. «Поликушка». 15. Агроном. 17. Вашка. 18. Кивер. 20. Штраус. 21. Цитата. 24. Газолин. 25. Кремень. 27. Триер. 28. Сагиз.

На первой странице обложки: Рисунок А. СОКОЛОВА.

На последней странице обложки: Чайные домики совхоза Дагомысский. Здесь подают вкусный краснодарский чай.

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 1/VI-71 г. А 00572. Подп. к печ. 15/VI-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1111. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1398.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ФОТОРЕПОРТАЖ Г. МАКАРОВА.

ПРОВОДЫ, ВС

Первыми здесь появляются чайки. Затем, в пору цветения и света, выплывают корабли. И до той минуты, когда зашуршит по дорожке парка последний лист, кипит здесь неугомонная сутолока встреч и провожаний. Отсюда можно отправиться за 1 200 километров в Ростов-на-Дону, в живописные места Подмосковья, в Уфу, Пермь, левитановский Плес, в Горький, Тольятти. А за пять копеек — преодолеть несколько сот метров до другого берега Химкинского водохранилища... Это вокзал. Но на каком еще вокзале услышишь «Трави помалу кормовой!» или «Выбирай носовой!»? Здесь провожают и встречают корабли.

Только на этом вокзале можно полакомиться шашлычком прямо с мангала.

Папа берет на себя команду.

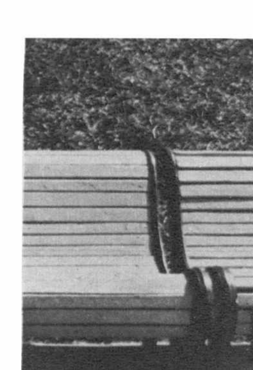

Расстались...

В строю...

ТРЕЧИ...

А не забудете вы меня?

Белокрылый эскорт.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.